

Виктор Глумов

НАШЕСТВИЕ

МСТИТЕЛЬ

Нашествие

Виктор Глумов

Нашествие. Мститель

«Автор»

2012

Глумов В.

Нашествие. Мститель / В. Глумов — «Автор»,
2012 — (Нашествие)

Нашествие на Землю закончено? Нет! Для героя этой книги оно продолжается! Молодой землянин становится объектом чудовищного эксперимента. Теперь он – Ксандр, лишенный памяти, он – боец великой Орды, один за другим покоряющей миры. И только он знает, где скрыто Забвение, грозное оружие прошлого. Несколько сил стремятся первыми добраться до этой тайны. Бывший землянин в одиночку противостоит разведке могущественных кланов. Что выберет Ксандр: войну или мир? А ведь выбирать придется именно ему...

© Глумов В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Часть I	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	39
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виктор Глумов

Нашествие. Мститель

© В. Глумов, 2011

© ООО «Издательство Астрель», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть I

Вархан

Автор благодарит *Льва Жакова и Андрея Левицкого за идеи, поддержку и помощь.*

Глава 1

Нашествие

Война кланов, осада вражеской крепости, смерть врагов, победа – что может быть интереснее? Но иногда все идет не по плану...

– Куда ты прешь? – рявкнул Саня в микрофон. – Ты не видишь, какая у него зона агра?! Ты на хрена туда побежал, сказано же: в слип! Метки смотреть нужно!

Хант¹ что-то промышчал обиженно, неадекват. Партия сливала осаду, и Саня злился не на шутку. Он сидел за компьютером в одних трусах – дома жарко, вентилятор гоняет горячий воздух, а кондиционер они с Юлей так и не купили.

Вслед за хантом, с перегрева, не иначе, чудить принялся чант²: вломился в самую гущу боя, да там и лёг. У всего клана слетели баффы³.

– Ну, гад! – выдохнул Саня. – Нубас⁴!

Еще можно было собраться и всем навалить, Саня это знал. Он попер вперед, словно бешеный танк, как раз в это время сорк залупил во врагов трескучий изумрудный разряд и...

Монитор погас. А-а-а! Саня запустил в стену сорванной с головы гарнитурой. Опять электричество вырубил!!! Не отрывая взгляда от черного экрана, нашарил на столе сотовый: позвонить Пиу-Пиу, клан-лидеру, предупредить, что выпал... Но и телефон не работал – разрядился, наверное.

С фотографии в рамочке, стоящей возле монитора, укоризненно смотрела Юлька в самбове. Саня сам «щелкнул» жену перед соревнованием: светлые волосы забраны в «хвост», но тяжелые пряди выбились и висят вдоль щек. Юлька улыбается, но глаза ее, ведьминские, разного цвета, правый – голубой, а левый – ярко-зеленый – серьезные. Это последний перед беременностью бой – потом тест показал две полоски. А сейчас, интересно, Юля тренируется? Наверное. По идее – должна. Ее не просто сломать, и борьба для Юли много значит... Вот и в квартире подозрительно тихо, наверное, нет Юльки.

Саня провел пальцем по карточке, и на стекле осталась яркая полоса – стёр пыль. Приподнялся, отодвигая кресло. Поясница ныла, болели плечи. Он слишком долго просидел за компом, теперь покачивало, а перед глазами прыгали фигурки, напоминающие персов из игрушки... сколько он в нее рубился? Три часа подряд, пять, семь? Он не помнил.

Саня пошлепал в коридор. Ламинат приятно охлаждал голые ступни. Городской телефон, стоящий на полочке у вешалки, молчал – ни гудков, ни шипения. Авария, что ли? Саня вернул мертвую трубку на подставку. Надо поесть, раз уж такое дело. По светлому полу сквозняк гонял мелкий мусор и хлопья пыли – и чего это Юлька себе думает, почему не подмела?

В дверях кухни Саня остановился.

Он жил на восьмом этаже, окна выходили на Лианозовский питомник, покачивающий вершинами сосен. Сейчас над ними нависало низкое изумрудно-зеленое небо.

Зеленое?! Оно что, и правда...

Саня протер глаза, поморгал и ущипнул себя за щеку: нет, не спит. Галлюцинации? Расстройство зрения из-за сидения перед монитором? Осторожно, медленно он приблизился к окну. словно огромный купол зеленого хрусталя накрыл Москву. По нему пробежали бесшумные изумрудные молнии. «Как в игре, – подумал Саня. – Как в долбаной игре! Я свихнулся, Юлька была права!»

¹ Игровой сленг. Хант – хантер, охотник – обычно – персонаж класса лучник (*Здесь и далее – примеч. автора*).

² Чант – персонаж класса чародей, может усиливать возможности персонажей.

³ Игровой сленг. Бафф – заклинание, усиливающее возможности персонажей.

⁴ Игровой сленг. Нуб – начинающий геймер, еще ничего не понимающий в игре.

– Юль! – позвал он. – Юля!

Тишина. У Сани нехорошо засосало под ложечкой. И вдруг накатило чувство, что он снова играет, только теперь – не в онлайнную RPG, а в шутер – «стрелялку», причем на первом уровне, когда у героя нет оружия. И теперь он должен взять столовый нож, выйти за дверь, убить первого монстра – совсем слабого, неопасного, – потом в подъезде отыщется бита или монтировка, как у Гордона Фримена из «Халфы», а на улице уже поджидают другие враги, посерьезней...

Он зажмурился на несколько секунд, снова глянул на небо и заставил себя отвернуться от окна. И только тут обратил внимание, что кухня, Юлькина гордость, замусорена: стол завален грязной посудой, в высохших кофейных лужицах застыли хлебные крошки – все правильно, это Саня то ли вчера поздно вечером, то ли сегодня рано утром делал себе попить и бутерброд. Плита, в отличие от стола, аж сверкает, будто ею не пользуются. И куда-то исчезли хлебопечка с мультиваркой, Юлькины первые помощники. И половина половников-лопаток, висевших на крючках, тоже исчезла.

Позабыв о галлюцинациях, Саня выскочил в коридор и заглянул в шкаф-купе. Не было Юлиных вещей! И обуви её не было, в тёмном углу уткнулись носами друг в друга его кроссовки, а ботинки лежали кверху подошвой, как дохлые зверьки. Саня вернулся в «кабинет»: стол жены, уютящийся возле окна, был завален скрепками, коробочками и целлофановыми пакетами. Ноутбук Юлька забрала. Больше ничего не изменилось: рабочее (в последние месяцы – игровое) место Сани – у стены, чтобы свет слева падал, стеллаж с книгами... Стоп. Книг тоже стало меньше. На полках сиротливо жались Санины справочники.

Через приоткрытые жалюзи просвечивало всё то же зеленое небо. Уже понимая, что увидит, Саня побрел в спальню. Здесь шторы были плотно задернуты и царил полумрак. Развороченная постель, опустевшее трюмо – испарились все Юлькины банки-склянки-помады.

Ушла.

Саня опустился на край кровати, показавшейся излишне широкой. Юля давно предупреждала, что «так дальше продолжаться не может». И он кивал, не отрываясь от монитора. Еще немного, еще чуть-чуть – не видеть, не осознавать, отрешиться от этого мира. Спрятался в игре настолько, что не слышал, как жена собирала вещи. И отсутствия ее не замечал... Когда же она ушла? Куда – понятно. К маме. Тещенька рада-радешенька. Но когда?! Сколько прошло времени?

Он подтянул к себе старую плоскую подушку, схватил и нахлобучил на голову, прижал к ушам, к лицу, закрываясь от реальности. Зажмурился и замер. Так и сидеть, не шевелясь, а еще лучше – забраться под одеяло, лечь набок, поджав ноги, в душной темноте, и лежать, пока не раздадутся Юлькины шаги, шелест пакета (ведь на самом деле она просто выходила в магазин!), скрип дверцы холодильника...

Почти минуту Саня сидел с подушкой на голове, но потом заставил себя отбросить ее. Ходики над трюмо, показывающие три часа, стояли. Из зеркала на Саню уставился красноглазый парень: небритый, долговязый, спортивный. Русые волосы, нечесанные и свалявшиеся, отросли по плечи. Щетина недельная. Саня поднялся, собрал патлы в «хвост», стянул найденной в ящике резинкой. Так лучше.

«Ушла – скатертью дорожка! – раздраженно подумал он. – Ну и дура! Мне даже лучше, никто пилить не будет, а теща пусть подавится!» Но эти мысли сразу сменились другими: «Тебе двадцать пять, тебя бросила жена, потому что ты – неудачник. Нуб в игре и по жизни. Потому что уже... сколько же? Месяца три ты не выходишь из дома. Не работаешь. Забросил спорт. А Юлке разве легче пришлось? Ты, вместо того чтобы поддержать ее, растворился в виртуале. А теперь иди и верни жену!»

Но вместо этого потянуло играть. Нырнуть в бряцанье мечей, шипение заклинаний, звон монет, рев чудовищ, боевые выкрики, стоны умирающих... В игре смерть – иллюзия, там уби-

ваешь, не лишая жизни, и гибнешь, не умирая. Поэтому Саня и сбежал туда: прячась от настоящей смерти.

Только вот комп не работал, и Саня принялся одеваться. Джинсы валялись на стуле, а за футболкой пришлось лезть в шкаф. Где, как и в первом, не осталось Юлиных вещей, но на одной из полок молчаливым напоминанием лежал пакет, приготовленный на выписку из роддома.

Они купили приданое заранее, посмеявшись над приметами. Но вещи так и не пригодились.

Саня запахнул пакет в самый низ шкафа. Мысли о ребенке, родившемся мертвым, отнимали силы. А силы сейчас нужны.

Проходя мимо кабинета, он снова увидел сквозь жалюзи зелень неба. Это было так необъяснимо, настолько не укладывалось в голову, что Саня поспешно отвел взгляд. А перед дверью, уже повернув ручку, остановился, напуганный тем, что собирался сделать: выйти из квартиры. Обернулся... Знакомая кухня, комната в конце коридора. И там, на столе, компьютер. Манит к себе, будто ценный артефакт – сталкера. Один шаг – и все это останется за спиной, но он боялся того, что ждало снаружи: людей, улиц, машин, самого мегаполиса, накрытого гигантским зеленым колпаком.

Хотя небо – это, наверное, все же галлюцинация. Нарушение зрения, сдвиг в голове. Слишком много пялился в монитор, слишком долго через зрачки входил в мозг игровой код, вот и перемкнуло. А Юля вернется, никуда не денется, не жить же ей со вздорной капризной матерью. Придет, не прямо сейчас, так к вечеру, не вечером, так утром, а к тому времени мозги отдохнут, небо вернет свой цвет, исчезнут дикие изумрудные молнии, да и электричество включат – и можно будет снова...

Саня вздрогнул, сообразив, что уже отпустил ручку, и решительно распахнул дверь.

В длинном коридоре, ведущем к лифтам, было темно и воняло кошками. Натыкаясь на велосипеды, санки, ящики, он выбрался на лестничную клетку, где звучали голоса растерянных соседей. Лифт, как и следовало ожидать, не работал, Саня пошел пешком. Миновал двух встревоженных теток с третьего этажа, мирного алкоголика дядю Мишу со второго, потом еще каких-то людей... С ним попытались заговорить, но он – отмахнулся, быстро спустился на первый и оказался на улице.

Во дворе, у подъездов и на детской площадке, толпился народ. Люди уставились на небо. Было непривычно тихо: ни гула МКАДа, ни городского шума. Только дети плакали и выли собаки. В странном зеленом свете цветы на клумбе казались искусственными, а лица людей – мертвенно-бледными.

– Что это? – шептала, будто заведенная, курносая блондинка. – Что случилось? Что это? Что же это такое?!

У Сани не нашлось ответа. Интересно, метро работает? Другие тоже видят зеленое небо и ветвящиеся молнии, значит, он не свихнулся, с ним все в порядке (насколько это возможно для человека, несколько месяцев проводившего в компьютерных играх), он сможет найти Юлю.

Вокруг разлилась тревога, она читалась на лицах людей, в их движениях, интонациях, взглядах. Не оборачиваясь, Саня пересек двор и вышел на улицу Лескова. Машины стояли. Здоровенный черный джип врезался в грузовую «газель», были и другие аварии, но ничего серьезного Саня не заметил. Водители толпились у заглохших автомобилей, на газоне бульвара, разделявшего полосы, кого-то били. Саня поспешил дальше, к станции «Алтуфьевская».

А если метро не ходит? Вдруг электропоезда остановились, как и машины... Надо проверить, решил он, и побежал.

Уже три месяца Саня не занимался, и дыхание сбилось. Он не курил и вел, в общем-то, здоровый образ жизни, но тело многое успело забыть. Участился пульс. Саня неслся мимо рас-

терянных прохожих, жалея, что не угнал соседский велосипед. Теща живет на «Парке Победы», если метро закрыто, на своих двоих туда добираться долго.

Чистый, зеленый район недалеко от Кольцевой дороги, палатки с фруктами и цветами вдоль тротуара... По сторонам разделенной бульваром улицы высились панельные дома, из окон и с балконов которых высывались жильцы и, разинув рты, тыкали пальцами вверх. Кто-то перевернул лоток с фруктами, и Саня чуть не упал, наступив на ярко-красное яблоко. Мякоть с сочным хрустом размазалась под подошвой.

Впереди, над деревьями, поднимались клубы дыма. Саня замедлил ход, заметив, что ледоколом рассекает людской поток. Бледные, перепуганные, растрепанные, москвичи бежали от метро. Ревели дети, заплаканные матери тащили их волоком. Мужики толкали друг друга, бранились.

Зеленый небосвод перечеркнула изумрудная молния. Люди уставились вверх. Неподалеку пронзительно завизжали, толпа поперла быстрее, поддавшись панике. Выпученные глаза, разъявленные рты... Саня свернул. Разум отключался, просыпались инстинкты. Сейчас бы влиться в поток, затеряться и улепетывать подальше от опасности. Нельзя! Вспрыгнув на лавку, он схватил за руку спешащую мимо девчонку лет четырнадцати, притянул поближе:

– Что там?

Она затрясла коротко стриженной головой, замычала и попыталась вырваться. Отпустив ее, Саня соскочил с лавки и наткнулся на кавказца в спортивном костюме.

– Мужик, что случилось?

– Смэрть там, смэрть! Бэги, дурень!

Никто ничего не понимал, толпа превратилась в безмозглое стадо и неслась мимо витрин магазинов, люди натыкались на деревья, спотыкались об ограду перед газоном, самые расторопные сворачивали и укрывались в подъездах. На другой стороне улицы кто-то вломился в японский ресторан прямо сквозь витрину. Со звоном рассыпалось стекло, заматерились...

В толпе не осталось ничего человеческого, она казалась страшным цельным организмом. Она заполонила весь тротуар и выплеснулась на проезжую часть, рекой обтекая препятствия. Отдельные люди карабкались на машины, кто-то упал и завопил, когда по нему побежали...

Саня перепрыгнул через ограду и кинулся к подъезду ближайшей многоэтажки. Домофон не работал, Саня распахнул дверь и влетел в прохладный сумрак.

– Вали отсюда!

На лестничной клетке стояли два красномордых мужика. Обоим под сорок, один повыше, с пивным пузиком, второй – сутулый задохлик. Жилыцы, наверное.

– Вали, кому сказали!

– Да ладно вам. – Саня показал пустые руки. – Дайте отдышаться. Я местный, с Мелиховской. Мне в метро надо.

Мужики переглянулись. Их боевой задор сошел на «нет»: незванный гость – выше на голову, почти два метра хорошо тренированного молодого тела. В бубен даст – можно выносить. С таким драться неохота.

– Так все от метро бегут, – неуверенно протянул задохлик. – Тут один так же вот приперся и давай в мою квартиру колотить. Ну, мы решили, типа, охрану организовать...

– Да что вообще случилось? – спросил Саня.

Мужики снова переглянулись.

– Так это... – плюгавый высморкался в сторону. – Небо, значит, зеленое. И горит всё. И взрывалось, машины накрылись, вся электроника накрылась.

Саня задумался. И правда, «полетела» вся электроника. Такое может случиться из-за мощного электромагнитного импульса... Что же, выходит, война? Но зеленое небо не укладывалось в это предположение.

Плюгавый, обойдя Саню, приоткрыл дверь и выглянул наружу:

– И чего им всем надо?

Саня посмотрел поверх его головы: толпа не становилась жиже. Черт, откуда их столько? Как нубы от босса⁵ шпарят... Надо уходить дворами, может, мужики не правы и метро работает.

– Слушай, – сказал он плюгавому, – у тебя квартира на первом этаже? А окна во двор? Мне срочно выбираться надо. У меня жена в городе, я за ней иду. На улице толпы, может, я через двор уйду?

Как ни странно, плюгавый без вопросов провел его в свою «однушку» – тесную, заставленную старой мебелью. Окна были без решеток, и Саня выскользнул во двор. У тротуара стояли припаркованные машины, а за деревьями виднелась ограда детского сада. Саня побежал.

Он вылетел на перекресток Лескова с Алтуфьевским шоссе и замер. Горел «Макдоналдс». А на площади суетились люди в странной темной одежде и противогазах. Фырчали, плюясь черным дымом из выхлопных труб, автомобили незнакомой конструкции – похожие на тачанки, с открытыми кабинами и многоствольными пулеметами на багажниках.

Над асфальтом, закрывая станцию метро, кружилась большая овальная воронка, в центре пульсировал туманный пузырь, а по краям вихрились потоки зеленого марева. Из воронки били вверх зеленые молнии. Если бы все это происходило в игрушке, Саня бы сказал: портал. Но в реальности не бывает порталов!

Саня попятился, прикидывая, куда идти. Хорошо, родители в Питере, там, наверное, все в порядке.

В Москве, куда Саня переехал после института, устроившись в международную фирму, – только Юля с тещей. Надо к ним, на «Парк Победы», других вариантов нет, а раз так – обойти перекресток, а после двигаться напрямик. Северные Дубки, Бескудниковский бульвар, Лихоборка, Большая Академическая... Далеко! Километров двадцать, нужен велосипед, а лучше – байк.

Стараясь держаться подальше от людей в темной одежде и противогазах, Саня побежал, огибая перекресток по дуге. Если машины встали, это ведь не значит, что мопеды-мотоциклы тоже не работают. Зачихал мотор – на перекресток, объезжая замершие автомобили, вылетел древний облупившийся «жигуленок», к багажнику которого веревкой примотали огромную сумку. Непонятные люди насторожились, некоторые подняли оружие. «Жигуль» свернул, и тут заговорил многоствольный пулемет на багажнике одной из тачанок.

Саня спрятался за мусорным баком. Осторожно выглянул.

За пулеметом стоял человек в широких шароварах, короткой кожаной куртке и противогазе. Он вел огонь по «жигуленку»: быстро крутил рукоять, вращая стволы и поворачивая станину. Водитель, чей перекошенный профиль мелькнул за боковым стеклом, попытался уйти от выстрелов, резко повернув в сторону Череповецкой. Пули пробили лобовуху, прошили сумку. Машина, врезавшись в светофор, замерла.

Саня, пригибаясь, побежал дальше. В голове набатом било: «гатлинг», «гатлинг», «гатлинг»... У этих, на допотопных машинах – пулеметы Гатлинга! Хотя у классического «Gatling gun» магазин сверху, а тут – длинная, патронная лента, с лязгом уходящая в приемник. Кто же это такие... Свихнувшиеся реконструкторы? Оккупанты? Захватчики? Они вторглись в Москву, из-за них вся эта паника, купол зеленый, сдохшая электроника? Да ладно, не под силу такое людям с древними пулеметами!

Саня нырнул во двор за многоэтажкой, крики и выстрелы стихли. Туманная зеленая воронка... Что, если это и правда портал? И через него явились захватчики? Нет, не может быть, это же реальность! Он в настоящей Москве, это не игра! Пора избавиться от наваждения, нет здесь никаких порталов!

⁵ Игровой сленг. Босс – крупный и мощный уникальный монстр игровой локации.

Саня обежал детскую площадку и заметил прислоненный к лавке велосипед. В сторону дома мчалась женщина, волочащая за собой пацана лет четырнадцати.

Саня схватил велосипед, слишком маленький для него, уселся в седло, поехал. Приходилось нелепо растопыривать колени, но скорость все же увеличилась. Он объехал дом, где скрылись женщина с подростком, и вылетел напрямик к овальной зеленой воронке – она медленно кружилась между двумя гаражами. «Портал» был гораздо меньше того, на площади, из него как раз выходила пара запряженных животных, похожих на быков, но более массивных, с горбами на спинах и закрученными винтом рогами. За широкие ремни рогачи тащили колесницу с закругленным высоким передом.

Обычные многоквартирные дома, стандартный московский двор, детская площадка, гаражи – и боевая колесница будто из фильма про Древний Рим. Мучительное, пугающее ощущение, словно он попал в компьютерную игру и не может выбраться, его затягивает все глубже в фантастический мир, охватило Саню, и он едва не налетел на бордюр. Лишь в последний момент круто вывернул руль и встал, оторопело глядя на портал. Рогачи трусили на удивление бодро для таких крупных, тяжелых существ. В колеснице обнаружились двое – один правил, второй, с тремя красными полосками на рукаве, восседал позади, держал ружье с длинным стволом.

Колесница перла на Саню. За ней из портала выходили пешие. Нет, это не игра, и он не спятил, все происходит на самом деле, и умереть Саня может по-настоящему, а значит – надо спасаться. Справившись с изумлением, он налег на педали и рванул вдоль бордюра, к скверу, чтобы укрыться за деревьями.

Но Саню уже заметили. Чужак на возвышении выпрямился – на ветру захлопали полы кожаного плаща – и поднял ружье.

Хлопок, треск... Саня повернул голову и увидел, как от ружья к нему протянулась сверкающая полоска, похожая на необычно прямой разряд молнии.

Молния врезалась в велосипед, Саню подбросило – вверх и вперед, он рухнул грудью на землю между деревьями. Разевая рот, выпучив глаза, уперся ладонями, приподнялся. Шаги... Неразборчивые, глухие голоса...

Саня рухнул набок, попытался сесть. Все вокруг плыло, болела грудь, ломило виски. Если бы не месяцы, проведенные в виртуале, он, наверное, смог бы встать и убежать, но сейчас тело плохо слушалось, инстинкты отказывали.

Совсем рядом Саня увидел тупые мыски сапог. Голова закружилась сильнее. Над Саней стояли двое захватчиков, одетые в кожаные шаровары и куртки. На ремнях – длинные ножны. Газовые маски незнакомой модели скрывали лица, тускло поблескивали темные окуляры. Поднялось оружие с толстым стволом, грубым деревянным прикладом и торчащим далеко в сторону кривым рычагом, похожим на магазин, но слишком уж длинным и тонким.

Чужак взмахнул ружьем, и приклад врезался Сане в висок.

Глава 2

Дикий город

Площадь на окраине столицы Терианы – Наргелиса – вполне годилась для построения: облицованные гранитом фасады домов хоть немного спасали от холодного зимнего ветра, несущего снежную крупу. На открытом пространстве шквал сбивал с ног, здесь – хлестал по щекам, вышибая слёзы, рвал плащи, но двести лучших воинов Дамира не шевелились и не моргали.

Дамир бер'Грон шагал вдоль шеренги, с гордостью рассматривая бойцов. Две сотни варханов, лучшие из лучших. Каждый из них готов отдать жизнь за своего командира. Он сам отбирал юношей в этот отряд, сам их натаскивал, учил ножевому бою, объяснял, как незамеченным подкрадываться к врагам. В отличие от пеонских недоучек, эти воины мгновенно ориентировались в меняющихся условиях. Дамир закрыл глаза и ощутил себя исполином, у которого четыреста рук, четыреста ног и двести голов.

Они – несокрушимы, они – одно целое. Ильмар, младший брат по отцу, прихрамывал рядом, с трудом подстраиваясь под широкий шаг Дамира.

– Еще раз уточним. Бер'Махи думают, что мы проводим карательную экспедицию по подавлению повстанцев. Они проглотили нашу легенду.

Он замолчал, мысленно прикидывая расстановку сил. Их на Териане было три: его родной клан бер'Гронов, второй – бер'Махи, а еще Гильдия тёмников, где хозяйничал старый Эйзикил. Местных, то есть терианцев, можно было особо не принимать в расчет, повстанческое движение было разрозненным. Бер'махи проглотили наживку, но вот тёмники... Эйзикил, старая ящерица, догадывается, что бер'Гроны, соперничающие с бер'Махами за власть над Терианой, да и над всеми мирами, не столь просты.

– Да не волнуйся, – Ильмар немного запыхался, – главное – чтобы бер'Махи не мешались. А с тёмниками уж как-нибудь справимся. Я организую зачистку для отвода глаз, а вы с Зармисом пойдете своим путем.

– Тёмники знают о Забвении, – веско напомнил Дамир.

Ильмар пожал плечами. Забвение – мифическое оружие. Его создали Предтечи, а теперь, вроде бы, воспроизвел мятежный пеон Омний, гений, повстанец. Воспроизвел и спрятал в одном из миров... Забвение может разрушать миры и создавать их, дарить и стирать память, но, главное, клан, нашедший Забвение, станет самым влиятельным.

И Дамир, нащупавший ниточку к Забвению, считал, что владеть им должны не Бер'Махи, вечные соперники Бер'Гронов, и не тёмники. А его родной клан.

Оскальзываясь на обледеневшей брусчатке, кутаясь в плащ, бежал Зармис бер'Грон, средний брат. Дамир повернулся к нему.

– Он пришел... – Дыхание Зармиса сбилось. – Говорит, мало времени.

Дамир обратился к Ильмару:

– Готовь людей. Выступаете, как обговаривали, через четыре часа.

Ему показалось или за стеклом мелькнул сгусток тьмы – силуэт наблюдателя? В любом случае, соглядатай уйдет ни с чем, доложит: отряд под началом бер'Гронов вступил в заброшенный город, о чем Зармис и говорил на совете.

* * *

В тесной комнате чадила чугунная печка. Единственное окно, расположенное почти под потолком – помещение находилось в полуподвале, – залепило снегом, и свет давала только тусклая лампа. Информатор Камачек ходил из угла в угол, сопел, обильно потел и протирал

розовую лысину, пол выпачкал принесенной с улицы грязью. При виде Дамира с Зармисом грузный Камачек ссутулился и вроде как даже уменьшился, изобразил на лице благоговение, но глубоко посаженные магульи глаза смотрели алчно.

– Ну? – Дамир вскинул бровь, окатив продажного терианца презрением.

– Горан скоро будет на месте. Он уже, наверное, на месте, и нам нужно спешить! – бормотал Камачек, комкая шапку красными пальцами. – К вечеру должны прийти проводники и увести его в скалы. Ищи их потом!

Дамир и Зармис переглянулись.

– Я бы не советовал вам идти вдвоем, опасно! Вдруг там охраны человек двадцать, – лопотал Камачек. – И все головорезы о-го-го! Возьмите ещё пару варханов!

Дамир без труда угадывал его мысли: «Поляжешь, начальник, кто мне выпишет обещанную землю? Что я, зря работаю, тоже ведь рискую! А мне семью кормить надо!» Насколько важен Горан, предатель даже не догадывался, и не знал, что Дамир всеми силами старается избежать огласки, дабы сведения о Забвении не просочились в другой клан или, ещё хуже, к тёмникам.

– Выполняй свою работу, – тон Дамира исключал возражения. – И не мешай мне делать мою. Жди нас здесь.

– Выдвигаемся, что ли? – Зармис скорее констатировал факт, чем спрашивал, Дамир кивнул.

* * *

Камачек остался ждать на площади, к схрону Дамир и Зармис подошли вдвоем: ни к чему терианцу сюда соваться.

Об этом подвале знали только самые близкие, Дамир использовал его как тайник – заброшенный дом на краю города, ни единого признака жизни.

На столе, в стеклянной банке, оплывала свеча. Огненные блики танцевали на стенах с пятнами плесени. Пахло гнилью и несвежим бельем, да и одежда, в которую собрался облачиться Дамир, выглядела как с помойки. Поношенный серый плащ с заплатками на локтях, мешковатые штаны, бесформенные войлочные боты. Мягкое железо, тонкий, но заметный доспех, придется снять и остаться беззащитным, практически голым.

Дамир может рисковать жизнью, но не Забвением.

«Кто бы подумал, – размышлял Дамир, отстёгивая кожаные наплечники, – что пеоны, жалкие трусы, создадут нечто, способное нарушить Великое Предопределение. Чем бы ни было Забвение, ему не место в лапах трясущихся псов».

А слухи ходили разные: «Забвение – воплощенный гнев Бурзбароса». «Забвение – великое избавление угнетенных». Забвение способно разрушить реальность, поработить кого угодно, просто стереть целый мир, изменить личность любого человека, даровать память и отнять ее... Предтечи умели делать оружие. А пеон Омний смог его воссоздать.

Напяливая застиранную до дыр рубаху, Дамир примерял на себя звание командера, мысленно рисовал на родовом гербу пометку – серебристое кольцо. Затягивая пояс, представлял себя в Ставке, на Ангулеме, а не здесь, на всеми забытой холодной и негостеприимной Териане. Старший брат, Максар Бер'Грон, сверкнет доблестью на Земле, а Дамир найдет себе применение и тут. Максар, конечно, станет бер'Ханом, возглавит берсергов, а Дамир будет его правой рукой.

Рядом пыхтел и ругался сквозь зубы Зармис – ему, франту, не по душе тряпье.

Они закончили одеваться одновременно. Дамир пристегнул к поясу пару ножен с короткими мечами для ближнего боя, приладил к предплечьям браслеты с выкидными лезвиями. Осталась последняя деталь – плащ, поношенный, как и у большинства повстанцев.

Зармис потянулся к разряднику, но Дамир перехватил его руку:

– Мы – мирные пеоны и не должны привлекать внимания. Терианский пёс обещал машину, там должно быть оружие.

– Мирные – так мирные... Как бы только пёс нас не покусал, брат. Ладно, идем уже. – Зармис накинул капюшон.

Младший, Ильмар, уже ждал братьев в центре Радужной площади. Раньше он был выше Дамира, но после того, как ему порядком укоротили простреленную ногу, Ильмар начал сутулиться, позвоночник его искривился, и братья сравнились по росту. Женщины все равно любили Ильмара. Взять хотя бы последнюю его сожительницу, Агайру, – огонь, а не женщина. Высокая, яркая. Губы алые, волосы густые, черные, будто смоль, блестящие, словно зеркало. Дамир хотел её заполучить по праву старшего, но наткнулся на такое сопротивление и с её стороны, и со стороны Ильмара, что заподозрил брата в слабости, которую пеоны называют любовью, и отступил. Ни одна баба не стоит дружбы.

– Наступление ровно через четыре часа, – отчитался Ильмар.

– Место встречи – то же, – на ходу, кланяясь Ильмару в пояс, как и полагается терианцу при встрече с берсером, прошептал Дамир, направился к машущему рукой Камачеку и прошипел: – Попробуешь предать – твоих детей кинут на растерзание зверям, а из жен сделают манкуратов.

Камачек втянул голову в плечи.

– Я не подведу, вот... – Он очертил перед лицом овал, символизирующий Бурзбароса, мирового змея, поцеловал пальцы, собранные щепотью. – Во-о-от, священный круг мне на уста!

За это следовало отрезать язык и отрубить руку – нечестивый осквернял веру варханов, ведь для терианца и пеона свята лишь собственная шкура! – но Дамир сдержался. Демон ярости всегда овладевает не вовремя, но Дамир умеет отгонять его. Зармис наблюдал за сценой, склонив голову к плечу. Дамир мог бы поклясться, что брат улыбается по обыкновению иронично. Глубоко вдохнув, Дамир приказал Камачеку:

– Веди.

* * *

Зармис скользил по брусчатке, будто не касаясь ее, – змея, исполняющая смертельный танец. Налетел ветер, сорвал с него капюшон, плеснули на ветру длинные иссиня-черные волосы. Зармис прищурил глаза цвета стали и крикнул на терианском совершенно без акцента:

– Очень удачная погода! Обожаю такую погоду!

Дамир ответил:

– Благоволение погоды – добрый знак.

Глянул на Зармиса, потом на Камачека – обрюзгшего, с лиловым носом и отвратительным пузом, выпирающим из-под плаща, и поджал губы. Да, варханы отличаются от пеонов и терианцев, распушенность позволяют себе разве что бер'Махи. Клан бер'Гронов испокон веков на несколько ступеней ближе к совершенству.

Соответственно легенде путь начали на окраине Наргелиса и узкими переулками, зажатými между кособокими домишками, двигались до самой реки. Под ногами чавкала грязь – снег не лежал на земле, таял. Растительности почти не было – чахлые, искривленные вечными ветрами деревца, пучки прошлогодней почерневшей травы.

Непогода разошлась на полную: завывала в подворотнях, гнала вдоль стен труху, смешанную с градом. Горожане попрятались в своих норах, по пути не встретились даже варханские патрули. Дамир пообещал себе по возвращении разобраться с этим, потому что в ненастные дни и происходит больше всего преступлений.

Обитаемая часть Нарлегиса заканчивалась забранной в гранит и мрамор набережной, внизу бежала мутная река, образуя маленькие водовороты у каменистых островов. Из-за града на воде вздувались пузыри, будто она кипела. Видимость была скверная – другого берега не разглядишь, не то что официальную переправу выше по течению.

Дамир с Зармисом шли за Камачеком вдоль берега. Здесь ветру не было преград, плащи хлопали как крылья, облепляли ноги.

О навесном мосту повстанцев Дамир знал уже почти год и, затаившись, выжидал. У него имелся список причастных, на многих Дамир завел досье. Он ждал момента, когда осведомленность сыграет на руку, и вот момент настал.

Не зря он два года торчал на Териане! Пришла пора больших перемен!

У самой узкой части реки стояли два столба. От них на другой берег, к таким же столбам, уходили канаты – два внизу и два наверху. Дамир заметил систему блоков. И всё, и никаких тебе переключков. Не перелезть. Они что, это называют мостом?

Камачек вытер покрытое каплями дождя и пота лицо, вытащил из кармана маленькую трубочку и переливчато свистнул, подавая сигнал. Сложный тонкий звук отразился от стен домов.

– Ждем! – Камачек тяжело дышал. – Сейчас.

На том берегу показались размытые из-за непрекращающегося дождя с градом силуэты, засуетились у блоков. Поползла, распрямляясь, гармошка моста – дощечки, нанизанные на веревки. Нижние канаты, оказывается, служили опорой, а верхние – перилами.

Камачек, снова очертив круг перед лицом, ухватился за переплетенные канаты, долго перебирал ногами, чтобы залезть, наконец взобрался. Дамир подтянулся и поднялся. Мост напоминал живое существо – дрожал, покачивался, его скрип походил на стон. Внизу с грохотом мчалась свинцово-пепельная, под цвет неба река, разделявшая город на обитаемую и брошенную части. Камачек то и дело протяжно вздыхал и побелевшими пальцами хватался за ненадежные перила из веревок. Дамир уверенно шагал вперед; когда мост начинал раскачиваться под порывами ветра, останавливался, широко расставив ноги. Позади бесшумно двигался Зармис.

Очередной порыв ветра вскинул подол плаща Камачека, забросил на спину, явив миру толстый зад, обтянутый потертыми штанами. Информатор вскрикнул, плюхнулся на четвереньки. Дамир с трудом подавил желание дать пинка – настоящий берсер должен сдерживать ярость и оставаться бесстрастным, это – первая ступень на пороге к совершенству. Пусть пеонов раздражают демоны, именно поэтому они – слуги. Варханы будут всегда на вершине, они – основа мироздания.

Сообразив, что поддержки не дождется, Камачек кряхтя поднялся и приставным шажком преодолел остатки пути. Ступил на твердую землю и вытер пот с одутловатой рожи. От встречного ветра его глаза слезились.

Люди, подавшие мост, куда-то пропали.

Дамир все сильнее подозревал, что это заплывшее жиром существо приведет его в засаду. Уж слишком он труслив, мелочен и падок до наживы.

– Теперь лучше сделать вот так, – Камачек обвязал лицо бурым платком, – ледяная крупа по щекам бьет, никто не заподозрит неладное, а иначе... – Он виновато пожал плечами: – Уж больно внешность у вас выразительная.

Дамир признал его правоту. Иногда встречались пеоны и терианцы, похожие на варханов – узколищные, с высокими скулами и слегка раскосыми глазами, но чаще они были рыхлыми, с топорными чертами массивных лиц, лупоглазыми. Так что лучше не рисковать и повязать косынку.

На набережной сразу перед мостом высился трех-этажный дом, на прогнившей крыше уже укоренился куст. У стен валялась отошедшая штукатурка вперемешку с разбитыми стеклами и почерневшими останками оконных рам.

– Идите за мной, – Камачек махнул рукой и, поплотнее запахнув плащ, направился вдоль фасада.

Дамир шагал следом и вглядывался в оконные проемы. Он кожей чувствовал: кто-то следит за ними, прячась в темноте. Правильнее было взять ещё несколько бойцов, но таким отрядом заинтересовались бы на переправе и донесли повстанцам. Слишком высоки ставки.

За спиной раздался скрип. Дамир обернулся и увидел двоих терианцев, сворачивающих мост.

Обогнули дом, перебрались через груды камней – разрушенную стену – и двинулись по выбитой в грязи тропинке. Впереди высились развалины, на первый взгляд необитаемые, но Дамир знал, что там, в темноте и сырости, копошатся бунтовщики, которым помойка милее порядка.

– А ну стоять! – крикнули из подворотни на терианском наречии.

Дамир скрестил руки на груди, напрягся, готовый принять бой. Камачек замер, сию секунду разглядеть, кто скрывается за стеной сыплющегося с неба льда.

– Кто такие? – навстречу шагнули трое закутанных с головы до ног мужчин, вооруженных скорчмами – короткими помповыми ружьями.

Камачека держали под прицелом, значит, не предательство.

– Камачек, кто с тобой? Ты должен быть один.

– Не твоего ума дело, Нагиль, – проворчал Камачек. Держался он агрессивно и нагло.

Дамир понял, какую линию поведения выбрать, открыл лицо и проговорил на чистом терианском с ленивой сварливостью:

– Нагиль, много знать будешь – скорее помрешь. Советую обо мне забыть. Моя информация не для твоих ушей.

Второй и третий охранники переправы оказались более сговорчивыми, один молча освободил проход, другой прокричал:

– Идите за мной, машина на месте!

За рядом домов начинался пустырь. По щиколотки увязая в грязи, прочвакали до небольшого холма, присыпанного снежной крупой. Охранник нагнулся, нащупал что-то в грязи, потянул. И никакой это не холм! Коричневая, под цвет земли, ткань с хрустом сползла с уродливой трехколесной колымаги, сваренной из подручных материалов. Нос машины – две плотно подогнанные пластины с бойницами окон, на жестяной крыше – пулемет, за щитами на боках – поршни, сзади – огромный бак, увенчанный закопченной трубой.

Паромобиль, догадался Дамир. Залез по железной лестнице вслед за Камачеком, устроился на деревянном стуле рядом с Зармисом. Брат стянул с лица отсыревшую тряпку и проговорил:

– Ну что, пока нам везет! Дамир, улыбнись, твоя хмурая рожа удачу спугнет!

Дамир промолчал. Действительно, все, на что они могли рассчитывать, – жадность Камачека и удача. Если разоблачат себя, повстанцы разорвут их на клочки.

Камачек распахнул ржавую дверцу печи, сунул внутрь сухую бумагу, поджег и, краснея, принялся раздувать огонь. Пламя затрещало, раскидывая языки по мелким веткам, в железной кабине запахло жизнью. Заухало, заклокотало сердце машины. Камачек шлепнул себя по ляжкам и воскликнул:

– Еще немного, и поедem!

Зармис притянул сверток, лежащий у стены, развернул брезент, разложил на полу разрядники, выбрал один. Дамир, не в силах побороть нетерпение, сел на высокое кресло рядом с Камачеком и выглянул в окно-бойницу.

Машина с грохотом врезалась в завалы и волочила ржавые прутья арматуры, разбрызгивая грязь. Следом за ней бежали, помогая себе руками, человекоподобные, заросшие густой темной шерстью магулы. Одна тварь остановилась, ударила себя в грудь кулачищем, – стоя рассыпалась по развалинам, и тотчас в машину полетели камни.

– Только бы не завязнуть, только бы... – бормотал под нос Камачек.

Подобно любому из берсер, Дамир презирал никчемных терианцев, а терианцев-предателей – и подавно. Подлец – существо заведомо ненадежное. Продал своих – и варханов подставит. С расчетом на это Дамир сливал Камачеку выгодную информацию, тот передавал повстанцам, оказывался правым, и ему верили.

Город кончился – сквозь выюгу проступили очертания скал, закрывавших долину Нарлегиса. Клокоча и выпуская клубы пара, машина катилась в их сторону.

– Вот, вроде бы, и все. – Камачек остановил паромобиль, развернулся вместе с креслом и жалобно посмотрел на Дамира. – Я вас проведу до места, а дальше вы сами, хорошо? Я ж... ну, поймите сами!

– Там видно будет, – кивнул Дамир, надел тряпку-маску, выглянул в бойницу: никого, лишь ветер хлопает дверями, свистит в брошенных жилищах да гоняет хлам по замусоренным улицам.

Это место и раньше было трущобами, а теперь – и подавно.

Перед тем как двинуться в путь, Камачек нарисовал схему подземелья, где скрывается Горан, объяснил расстановку сил.

После теплой кабины ветер пробирал до костей. Дамир пригнулся и, переступая через лужи и мусор, последовал за Камачеком, Зармис замыкал шествие. Брели минут пять, Дамир зорко осматривался, чтобы запомнить местность, и отметил два поворота направо.

– Все. Дальше я не пойду, – проскулил Камачек. – Теперь вам по этой улице прямо, возле пятнадцатого дома повернуть налево. Там будет двор, в центре – дом-свечка, с дозорным. Обычно у входа дежурят двое, но сегодня может не быть никого. Или они там же, где и первый охранник. Или... увидите справа двухэтажки, почти целые... Охрана, вероятно, там.

Я буду ждать в машине.

Дамир кивнул и проверил оружие. Камачек потоптался рядом и потрусил к паромобилю.

Глава 3

Портал в другой мир

Процессия напоминала «этап» каторжан века этак девятнадцатого: кандалы на руках и ногах, ошейники, прицепленные к слеге⁶ за короткие, на каждом шагу звякающие цепи. Саня шаркал, покачиваясь в общем строю. Он отупел от боли в затылке и не сводил взгляда со спины впереди идущего, лишь бы не видеть зеленое небо, конвоиров – говорящих на чужом языке людей в кожаных плащах, – трёхгорбых коров и шатров в центре Москвы.

– Что же это, – бубнил идущий следом, – что же это? Кто они? Американцы, да?

Сане очень хотелось бы, чтобы захватчики оказались американцами, но он не верил в теорию заговора. Вот в общее раздолбайство – запросто, а во всяких масонов и желание США поработить мир – ни на минуту.

Тип в плаще, обходящий строй, прицелкнул бичом, и болтун заткнулся. Саня не помнил, как его заковали. Очнулся он, когда пленников поднимали. Встал и поплелся неизвестно куда, оказалось – в центр, к Кремлю.

Была ночь. Москва, подсвеченная огнями пожаров, костров, вспышками зеленых молний, походила на компьютерную игру, мрачный квест или шутер... Если бы голова не болела, Саня убедил бы себя, что спит.

– Куда вы нас ведете? – снова завелся болтун.

Насколько мог судить Саня, конвоиры не ответят. Даже вопроса не поймут – они не говорят по-русски. Саня попытался брести с закрытыми глазами – не получалось. Им овладело спокойствие животного на бойне: уже всё, ты невластен над своей судьбой. Строй внезапно остановился. Саня не знал, что происходит впереди.

Ко всем пленникам по очереди приходили конвоиры, отстегивали ошейники от слег. Когда освободили Саню, он тупо сел на брусчатку. Вокруг опускались на камни такие же уставшие пленники. Саня наконец-то осмотрелся: Красную площадь превратили в дикий лагерь, помесь стойбища Чингисхана с военной ставкой времен Первой мировой. Раздавались хриплые, резкие команды, сновали люди, одни в газовых масках, другие – со странно застывшими лицами, в самой разной одежде, от кожаных галифе до растаманских рубаш.

К Сане приблизился человек в плаще с двумя красными полосками на рукаве, стянул респиратор на шею. Лицо худое, со впалыми щеками, глаза темные, чуть раскосые. Что-то среднее между семитом и монголоидом, волосы – очень прямые, черные. Остальные чужаки походили на него, как братья, – все черноволосые, и типаж тот же.

Двухполосочный пролаял непонятную Сане команду.

Подскочили помощники, принялись пинками сортировать пленных. Саню вместе с десятком молодых плечистых парней отогнали в сторону, заставили построиться. Саня косился на вооруженных конвоиров и прикидывал, не попробовать ли удрать? Вспоминались фильмы про концлагерь, где одних ждали каторжные работы и медленная смерть, а других – газовые камеры: смерть быстрая, и неизвестно еще, что хуже.

Казалось бы, элементарно: вот этот здоровяк, бритый налысо, с короткими черными усами и шрамом на левой щеке, может вскочить, раскидать конвоиров и зигзагами кинуться прочь, уводя их. «Танчить»⁷ будет. Саня рванет следом, отберет, например, странную пушку у ближайшего, а потом... М-да. И как объяснить другим пленным порядок действий? Метки не расставишь, кинутся кто на кого, а нужно скопом наваливаться на одного врага, пока лысый уводит остальных.

⁶ Слега – длинная толстая жердь.

⁷ Отвлекать на себя внимание противника. Танк – персонаж, вызывающий на себя агрессию противника.

Впрочем, здоровяка застрелят в спину. Это – не игра, напомнил себе Саня, конвоиры – не мобы.

Самое разумное – дожидаться развития событий. Если сразу не прикончили, наверное, и дальше не убьют.

Конвоиры снова засуетились, «двухполосочный» отдал приказ, прибежал монах – не монах, но кто-то в просторной черной рясе, заспорил с командиром. Саня пытался уловить смысл разговора и злился на себя: совсем чужой язык. Тюркский? Вроде, нет. Латынь? Эсперанто? Нет. В словах угадывались славянские корни.

– Что они собираются делать? – давешний болтун попал в одну группу с Саней.

Саня обернулся и посмотрел на него: неприметный мужичок лет тридцати пяти, роста среднего, прическа «стригусь дешево в ближайшей парикмахерской». На подбородке – раздражение от бритья. Глаза выпучил, дышит часто, поверхностно. Подобных неадекватов Саня навиделся в игре: врубит «эмо-мод» на полную, ноет, ноет, ноет, а потом на режим паники переключится и удерет, обязательно врубившись в кучу мобов и подохнув бесславым образом. В Санином клане таких не отхиливали и не поднимали⁸.

– Они не имеют права, так ведь? Женевская конвенция... – Лупоглазый сделал жест, будто поправлял несуществующие очки.

Ах ты ботаник! Конвенция ему. Саня сжалился, объяснил:

– Да никто эту конвенцию не соблюдает! Ты еще «Декларацию прав человека» вспомни!

Лупоглазый дернул головой, будто Саня ему по морде дал, и пролепетал:

– Мы с вами на «ты» не переходили!

Бритоголовый заржал. Ботаник заткнулся. За диалогом с неодобрением наблюдал вооруженный конвоир – в маске, неотличимый от других. Саня счел за лучшее отвернуться от собеседника. Не хочет слушать – не нужно. Пусть себе дальше причитает и дергается.

«Монах» в черном, наконец, договорился с командиром. Саня вытянул шею – посмотреть, что они будут делать, но конвоиру надоело любопытство пленника, и он шагнул к Сане, закрывая обзор. Саня сделал вид, будто ему неинтересно.

Где сейчас Юлька? У тещи прячется? Лишь бы хватило мозгов не выходить на улицу. При воспоминании о жене голова заболела сильнее. Не успел, не отыскал ее! А теперь неизвестно, когда найдет, сможет ли выбраться.

Повинуясь резкому выкрику, конвоир шагнул вперед и принялся лупить пленников, заставляя лечь ничком на брусчатку. Саня послушно уткнулся носом в камень, успев заметить, что захватчики тоже падают. Что-то хлопнуло на грани слышимости, затрещало – такое чувство, что рвется материя мира, – и Саню будто начало затягивать в водоворот. Саня заметил, что зеленое свечение стало ярче. Приподнял голову: сильным ветром его тащило к изумрудному овалу «портала». Пятно расширялось и, достигнув метров двух в диаметре, стабилизировалось. Внутри воронки переливались зеленые тени.

Поднимаясь, конвоир рявкнул какую-то команду. Саня догадался, что от него хотят, встал. Ветер прекратился. Подгоняемый конвоиром Саня вместе с ботаником, лысым и другими людьми шагнул в зеленое пятно.

* * *

В первые минуты Саня ничего не понял: кружилась голова. Они стояли в полутемном огромном зале, гулком и пустом, и перед ним переливался поразительной красоты энергетический цветок. По-другому описать это сплетение синих плазменных нитей Саня не мог.

⁸ Саня имеет в виду, что паникеров не лечили и не воскрешали.

Конвоиры подогнали пленников ближе к цветку, и Саня увидел следующий портал – теперь понятно, что это он и есть. Как в игре. Шагаешь – и оказываешься в другом месте. Несколько метров до портала одолели почти бегом, бряцая цепями.

Снова – шаг в пустоту.

На этот раз переход дался Сане тяжело. Такое чувство, что резко сменилась погода: давило на голову, руки-ноги не слушались. Ботаник, до этого испуганно молчавший, застонал.

Вроде бы они остались в прежнем зале: та же гулкая пустота, потолка не видно... От «энергетического цветка» к пленникам и конвоирам спешил «монах» в черном, размахивал руками и кричал по-своему. Саня попытался уловить смысл, но понял лишь: жрец взволнован. Засуетились конвоиры. Ботаника рывком поставили на ноги. Пленников погнали к выходу: створки дверей распахнулись, впуская в зал солнечные лучи.

А ведь только что была ночь!

Саня задержался на пороге, получил тычок в спину и выскочил наружу.

Солнце ослепило его.

Под ногами шуршал очень мелкий светло-желтый песок. Метрах в двадцати синела полоска воды, довольно широкая, то ли река, то ли бухта. Пахло хвоей. Жужжали насекомые.

У Сани зазвенело в ушах, зачастило, сорвалось на бег сердце. Дышать стало трудно, ладони вспотели, зазнобило. Он пытался сделать хоть шаг – и не мог. Постарался сориентироваться – и это оказалось выше его сил. Все чувства схлынули, мысли ворочались вяло, цепляясь одна за другую: я – не в Москве. Похоже, не на Земле. Значит, захватчики – инопланетяне?!

Руки задрожали сильнее, колени подогнулись, Саня еле удерживался, чтобы не рухнуть на песок.

Рядом – Саня с трудом повернул голову – упал ботаник. Обморок.

– Что... Что за... – бормотал бритый усач.

Саня пытался ответить, но язык не повиновался. Плохо. Реакция на стресс. Возьми себя в руки. Дыши ровнее. Все нормально, это – выброс адреналина. Успокойся. Думай. Не теряй себя. Сейчас все наладится.

Конвоир за ноги волок ботаника к воде. Бритый, не переставая бормотать, двинул следом, и Сане ничего не оставалось, как в группе других брести за ними. Инопланетянин затащил ботаника в рощу туи и бросил там. Остальные стадом баранов столпились рядом.

Охранник что-то рывкнул и повелительно махнул рукой.

Саня опустился на горячий песок. В голове прояснилось. Местность напоминала одно- временно Комаровский берег Финского залива под Питером и Черноморское побережье Северного Крыма: тепло, даже жарко, очень влажно. Эфирными маслами пахнет. Здание, из которого их вывели, – здоровенная пирамида, выстроенная из гранита и светлых блоков песчаника. Вокруг – всякие голосеменные: Саня узнал родственников лиственницы, кипариса, туи, сосны...

Он осторожно поднялся. Конвоиры оставили пленных в покое, совещались у пирамиды. Кандалы нагрелись на солнце, под них уже успел набиться песок, и теперь запястья натирали.

С высоты своего роста Саня разглядел на той стороне реки деревянные домики с крышами, крытыми соломой. Деревня походит на негритянскую. Тихо: ни шума двигателей, ни тархтения моторных лодок, ни голосов. Ласковый ветер.

Дрожь в конечностях прошла, сердцебиение выровнялось. Нужно действовать, пока конвоиры не вернулись. Если удрать сейчас, найти укрытие, сбить кандалы – можно ночью пробраться в это здание, войти в портал и попасть обратно, на Землю.

Логика подсказывала, что план выполнимый. Саня огляделся: никто не обращал на него внимания, спутники до сих пор были словно пришиблены, даже бритый. Медленно, стараясь не звенеть цепями, Саня сместился так, чтобы туя заслонила его от конвоиров.

Куда бежать? Саня плавно двигался вдоль кромки берега, но цепи все равно бряцали. В соседней роще раздавались голоса. Саня замер, прислушался: женщины. Русские.

– Где мы? – хныкала какая-то девчонка. – Где мы? Где мы?..

– Прекрати ныть! – Эту интонацию, злую, на грани слез, этот голос Саня узнал бы из миллионов.

Юлька! Забыв обо всем на свете, Саня рванулся к ней. Упал. Юлька! Юлька тоже здесь! Ползти, раз встать не получается!

Над ним, заслоняя свет, вырос силуэт. Саня поднял голову. Захватчик в плаще смотрел на него, и ухмылка на худом лице не предвещала ничего доброго. Охранник поднял оружие. Направил на Саню. Последнее, что увидел пленник, – алая молния.

* * *

Он очнулся, привязанный к койке. Ремни обхватывали запястья и лодыжки, голова и тело были зафиксированы – Саня видел в кино, что раньше так обездвигивали буйных психов.

Метрах в трех темнел матерчатый сводчатый потолок, перекрещивались металлические балки опор, с них свисали светильники. Саня скосил глаза, но ни других коек, ни людей не увидел – только стену, тоже матерчатую.

Было прохладно. Саня обнаружил, что он наг и никаким одеялом не прикрыт. В поле зрения вошла молодая женщина в плаще коричневой кожи. Голова у женщины была обрита, только-только отросла в короткий светлый ежик. Женщина смотрела на Саню без выражения, с отсутствующим выражением лица идиотки, из уголка рта тянулась ниточка слюны. Обошла его, встала в изголовье.

Саня почувствовал, как дурной волной накатывается ужас.

– Кто вы?

Неужели это его голос, такой хриплый и жалкий?

Вместо ответа женщина сунула Сане в зубы полоску кожи. «Чтобы язык не прокусил, – догадался Саня. – Что они делать собираются? Трепанацию? Электрошоком пытаться? Но я ничего не знаю! Ни тайн, ни секретов – мне даже под пытками нечего им рассказать!»

Саня не видел, были в палатке люди, кроме него и безумной женщины, или нет. Может, совсем рядом лежит столь же беспомощная, перепуганная Юлька? Он слышал ее голос там, на песчаном берегу, не почудилось же! Значит, Юлька – в их руках. И долг Сани как мужа, как мужика, в конце концов, – выручить ее... Но пойдя, повоюй, когда шевелить можешь только пальцами и зрачками!

Новое движение: мимо Сани к женщине прошел жрец в черной рясе, за ним, на почти-тельном расстоянии, – полный светловолосый парень в синем лабораторном халате, на вид – совершенно обычном. На голове у светловолосого поблескивал обруч со сверкающим камнем.

Саня их будто не интересовал.

Слева кто-то длинно всхлипнул. В этом простом повседневном звуке было столько тоски, отчаяния и безысходности, что Саня дернулся, пытаясь вырваться, заткнуть уши. Не получилось. Тогда он зажмурился.

Прошло несколько бесконечных мгновений. Саня лихорадочно перебирал воспоминания, ведь перед смертью положено «всю жизнь заново прожить», но почему-то в голову лезли дурные обрывки: как у врачей «выбивал» труп мертворожденного сына, писал заявление об уходе с работы, отключал телефон, когда из Питера звонили с соболезнованиями родители... Как плакала ночами Юля, а утром, злая, весь мир ненавидящая, завязывала волосы в «хвост» и отправлялась на пробежку: круг за кругом, круг за кругом по парку, несмотря на погоду.

И еще вспоминались рейды, миссии, осады, треп в тим-спике и чате, проблемы выбора копья получше, доспеха поинтересней. Сокланы. Они ведь – его друзья? Так почему Саня ни о

ком из них не подумал с того момента, как отрубился комп, а за окном обнаружилось зеленое небо? Ведь многие живут в Москве.

Холодное прикосновение к голове. Скребнут кожу, вроде, бреют. Прощай, «хвост»! Не открывать глаз. Держаться за воспоминания. Должно же быть что-то хорошее! Хотя бы перед смертью о добром подумать!

Юлька. Правый глаз – голубой, левый – ярко-зеленый. Сочные губы – у нее улыбчивый рот, – но в последние месяцы всё портит горестная гримаса.

Да почему же он опять о плохом? Саня впился зубами в кожаный кляп.

Что-то крепили к вискам, присоски, кажется. Зудела поцарапанная бритвой кожа. Саня раньше не знал такого страха: животного, рвущего все существо на части. Жить. Выжить. Пожалуйста. Что угодно забирайте. Кого угодно! Жить!

Это было как удар молнией прямо в мозг.

Глава 4

Поймать Горана

Град сыпал сплошной стеной, скрывая варханов от чужих глаз. Дамир держался левой обочины разбитой дороги. Асфальт местами раскрошился, местами – вздыбился. Брошенные здания стонали, завывали, щелкали уцелевшими дверьми, хлопали жестяными кровлями, будто пытались взлететь. Возле головы просвистел кусок шифера, врезался в стену и разломился пополам, – Дамир едва успел пригнуться.

Зармис крался впереди.

Возле пятнадцатого по счету сооружения Зармис остановился. Если раньше непогода помогала, то сейчас – наоборот. Из-за плохой видимости была непонятна расстановка сил противника. Дом-свечка, о котором говорил Камачек, высился впереди – темная махина посреди ледяного крошева.

– Ты обследуешь двухэтажные дома, я убираю дозорного, встречаемся у входа в подвал и действуем по обстоятельствам, – распорядился Дамир.

Зармис прищурился, накинуд капюшон.

Дамир вдохнул-выдохнул и представил себя ветром, мечущимся в пустынных коридорах покинутых зданий. Вот он вырвался на свободу, понесся по улице, постучал в окно, швырнул горсть льдинок.

Я – ветер, я – лед, я – стихия, я неотличим от неё, она – большое, я – малое. Двигался он плавно, то замедляя, то ускоряя шаг, порывами, как ветер. Вот дом. Торчит посреди площади, будто единственный гнилой зуб во рту у старухи. Раньше это была каланча, сейчас верх обрушился, кладка стен раскрошилась. Середину дозорного пункта подлатали, за окном мерцал свет, из черной трубы вырывался и тотчас исчезал дым.

Дамир потянул на себя изъеденную ржавчиной дверь – заперта. Обошел дом, подтянулся, сел на подоконник, попытался открыть окно – не поддавалось. Если разбить стекло, звон привлечет внимание...

Шифера вокруг дозорного пункта валялось с избытком. Дамир выбрал подходящий кусок, швырнул в окно и, накрывшись плащом, метнулся за нагромождение камней.

Сейчас он весь был – слух. Наверху крикнули. Значит, дозорный там не один. Или почудилось? Дамир достал из кармана осколок зеркала и поймал отражение разбитого окна. Распахнулась дверь – вывалился совершенно лысый верзила со скорчем, перекатился, прижался к стене. Противник оказался умней, чем ожидалось. Его прикрывал напарник, закутанный с головы до ног. Не найдя врага, они успокоились. Из-за двери высунул физиономию третий охранник, поманил напарников внутрь.

Щелкнула щеколда.

Покидать убежище Дамир не спешил и сидел, сжавшись, пока не окоченели руки. Тогда он поднялся и все так же плавно скользнул к окну. Прижался к стене, заглянул в помещение. Опершись о подоконник, повстанец что-то ковырял ножом. Дамир шагнул, фирменным своим ударом подрезал ему запястья и рассек горло. Из руки парня выпала недоделанная статуэтка, девушка-птица, и со стуком покатила по полу. Дамир прислушался: сверху доносились голоса, тонущие в вое ветра.

Внимание Дамира привлек посторонний звук.

В закутке у лестницы кто-то выбивал дробь зубами. Дамир двинулся туда. В тени, вжавшись спиной в стену, стоял парнишка, видно, с Сайдона: волосы бесцветные, кожа бледная, почти прозрачная, правую половину лица от брови до подбородка закрывает темное родимое пятно. Парень быстро глянул на Дамира и тут же отвел глаза, качнулся, рухнул на колени, лбом – в пол, руки простер вперед, к стопам берсера.

– Н-не... – донеслось еле слышно, – н-не уб-бивай! Н-не...

Дамир ударил его ногой в висок. Повстанец всхлипнул и затих – как знал Дамир, надолго, если не навсегда.

Незванный гость отправился наверх. Охранники беседовали. Лысый громила стоял, опершись на подоконник, его напарник интенсивно жестикулировал.

В ладони Дамира легли рукояти метательных ножей.

Бесшумно двигаясь к повстанцам, Дамир медленно занес руку, рассчитал траекторию полета ножей. Р-раз! Один вошел в висок лысого, другой погрузился в шею его товарища. Повстанцы даже пикнуть не успели.

Дозорные сняты.

Дамир выбежал на улицу и направился к дому, где укрылся Горан: длинному, с обвалившейся штукатуркой и черными проемами окон. Ничего примечательного. Здесь не стационарная сходка – перевалочный пункт, который завтра-послезавтра законсервируют. Повстанцы думают, что они мастера конспирации, придется их разочаровать.

От стены шагнул человек – Дамир приготовился к бою, но узнал Зармиса.

– Там никого, – отчитался брат.

– Знаю, – проговорил Дамир. – Я захожу через черный ход, ты считай до трехсот и штурмуй главный. Основные силы они бросят на оборону, Горана попытаются вывести окольными путями, там я его и возьму.

Вход в подземелье обнаружился в соседнем здании.

Влажные ступени круто забирали вниз, со звоном падали капли. Дамир подождал, когда глаза привыкнут к темноте, выбрал угол сразу за поворотом и затаился. Разрядник он убрал за спину. В отличие от повстанцев Дамир отлично видел в темноте, и в подземелье у него было преимущество.

Безмолвие нарушил крик. Дамир напрягся, сжал эфесы мечей. По коридору зашлепали ноги, сколько повстанцев сюда бежало – не разобрать. И среди них должен быть Горан. Шаги все ближе, слышно сбивчивое дыхание. Луч фонарика отпечатался на стене впереди.

Благо, коридор здесь довольно широкий, трое повстанцев бежали впереди, двое – позади. На всех – капюшоны, лиц не видно. Мужчина с фонарем вырвался вперед. Ещё две секунды... Главное, не смотреть на свет, чтоб не ослепнуть ни на миг... Шаг в сторону, выбросить руку, выбить фонарь.

Одновременно – раздавить фонарь и ножом – по горлу повстанца. Забулькал, зажал рану. Горячее брызнуло на руку. Уйти с линии атаки. Сдернуть капюшоны с двоих впереди бегущих. Снова уйти, теперь – преградить им дорогу. Седая шевелюра Горана. Его спутнику – по сонной артерии. Оттолкнуть Горана. Разобраться с теми, кто уже собрался повернуть назад, выхватить из рук Горана разрядник. Ударить. Схватить старика за шею, надавить на нужную точку.

Дамир перекинул Горана через плечо и бросился к выходу из подземелья. Горан был косяком и почти невесом.

На улице шелестел град, громыхали кровли, в рев непогоды вплетались возгласы повстанцев. Что происходило на площади у каланчи, Дамир не видел, он надеялся незаметно пробраться дворами. Выстрелов не слышно, значит, Зармис либо отступил к машине, либо погиб. Жаль! Но брат сложил голову как настоящий воин, отстаивая интересы клана. Теперь его имя выбьют на Камне славы.

Машина ждала на условленном месте, кряхтела и плевалась паром.

– Камачек! – окликнул Дамир и сгрузил бесчувственного Горана прямо на лед.

Капюшон откинулся, открыв скуластое лицо пленника, обтянутое желтоватой морщинистой кожей. Седые волосы слиплись от паутины и пота.

Но на зов высунулся Зармис – бледный, сам на себя не похожий. Дамир улыбнулся.

– Принимай груз! – Дамир протянул руки пленника Зармиру, тот ухватился, стиснул зубы. – Помогай, я ранен.

В паромобиле Горан очнулся. Секунду он соображал, где находится, а когда понял, дернулся, желая встать, и уткнулся носом в испачканный сажей пол. Потом оглядел ненавистных берсергов и сплюнул. Предателя Камачека повстанец не удостоил взглядом, а тот словно не замечал пленника.

Бедро Зармиса было перевязано, на белой ткани проступило кровавое пятно. Дамир не сдержал тревоги:

– Что с тобой?

– Ерунда со мной... Сам виноват, всерьез их не воспринимал. Кого ждем, а, Камачек? Может, ты хочешь на улицу, к своим друзьям?

Зафыркали поршни, машина тронулась, сначала медленно, потом – быстрее и быстрее. И вот несется стальная махина, все сметая на своем пути. Теперь терианцы не смогут её остановить.

Все складывалось благополучно: Горан умыкнут из-под носа повстанцев, дело за малым, откуда тогда это дурное предчувствие? Раньше интуиция никогда не подводила Дамира, но сейчас... Что может случиться сейчас?! И все-таки надо перестраховаться, вдруг старика хватит удар? Выживай потом сведения из полудохлого мозга.

– Камачек, – позвал Дамир, но тот в грохоте двигателей не услышал, зато вскинул брови Зармис. – Заткни уши этому уроду, я буду добывать сведения.

Дамир подхватил Горана за подмышки, усадил, прислонив к стене машины, сам сел на корточки рядом и проговорил, пристально глядя в глаза:

– А сейчас ты мне расскажешь все, что знаешь, о Забвении.

Смех Горана напоминал кудахтанье. Успокоившись, старик ответил:

– Я ничего не знаю.

Дамир схватил Горана за ворот, поднял рывком и поднёс к его лицу зажатый в руке иньектор:

– Тебе же хуже будет. Сейчас вколю вот это, и все выложишь.

Сыворотка правды иногда не действовала на людей с сильной волей, на такой случай были разработаны методы изощренных пыток, потому Дамир и вез повстанца в Наргелис.

– Я. Ничего. Не. Знаю, – уперся старик и посмотрел прямо в глаза Дамиру, страшным был его взгляд и яростным, но берсер выдержал, кивнул и ввел раствор в предплечье Горана.

– Повторяю: что тебе известно о Забвении?

* * *

Дамир отлично ориентировался в брошенном городе и без труда находил нужные повороты. До «официальной» переправы осталось минут пятнадцать езды. С каждой секундой настроение приунывшего было Зармиса улучшалось. Он принялся насвистывать себе под нос. Дамир его воодушевления не разделял. Оставив Горана, он засел за пушкой и из бойницы следил за дорогой. Дамиру казалось, что на них наведен ствол разрядника и палец невидимого врага палец лежит на спусковом крючке. Секунда – и оба брата будут валяться с развороченными грудными клетками.

И вдруг стена пятиэтажного дома с грохотом обрушилась. Пол паромобилля взметнулся вверх, Дамир вывалился из кресла, успел сгруппироваться, кувыркнулся и опустился на ноги. Дверь печи, которая оказалась вверху, распахнулась, осыпая пассажиров раскаленными углями. Выругавшись, Дамир стряхнул их с головы. Запахло паленым. Машину мотнуло, и Дамира припечатало к стене. Раненый в ногу Зармис корчился рядом. Горан ударился головой

и потерял сознание. Камачек, похоже, подох. Глаза его закрылись, к мясистой нижней губе прилепилась древесная кора, а на груди тлело солидного размера полено.

Зармис откопал под бревнами разрядник и пополз к двери, щадя раненую ногу и приговаривая:

– Пожри их Бездна! Рано радовались!

Дамир вытащил из-под завала Горана, проверил пульс. Живой! Похлопал старика по щекам: Горан замычал. Неизвестно, сказал ли он после инъекции правду, поэтому нужно сохранить его жизнь. По идее, повстанцы попытаются убрать его в первую очередь, чтобы сведения про Забвение не попали к врагам.

Отыскав разрядник, Дамир метнулся ко второй двери, выглянул: чисто.

– Никого нет, – изрек Зармис. – Расслабься, просто стена обвалилась. Ветер сильный.

– Не верю я в такие совпадения.

Дамир пристально осмотрел окрестности: дорогу обступали такие же пятиэтажки. Впереди виднелись квадратные дома пониже. Он кожей чувствовал назойливое внимание: стоит высунуться, откроют огонь.

Место, где вверх колесами лежала машина, простреливалось и из пятиэтажки, и из кособоких двухэтажных домишек, и из зданий со стороны, которую осматривал Зармис. Невозможно поверить, что обвал случился сам собой в таком удобном для засады месте.

– Зармис, – позвал Дамир и сразу же продолжил: – Неизвестно, правду ли нам сказал Горан, но один из нас должен выжить любой ценой и передать сведения в клан. Понял меня?

– Понял. Я мельче, в меня попасть труднее. Передам. Но ты тоже не плошай. Если бы я был с повстанцами, то долбанул бы из магнитной пушки, чтобы похоронить информацию вместе с нами. Что-то они медлят.

– Мне тоже кажется это подозрительным. Вдруг нет у них никакой пушки... Хотя, обвалить стену они сумели, а прихлопнуть полудохлого врага почему-то не могут.

– Как говорит Максар, чтобы победить противника, нужно понять его, стать им.

За пеленой града мелькнул силуэт. Ещё и ещё один.

– Вижу их, – прошептал Дамир.

– Я тоже, – отозвался Зармис. – Нам нужно любой ценой пробиться к переправе.

– Иди сюда. Видишь бетонную плиту среди камней? Я бегу – ты прикрываешь, потом – меняемся. Дальше действуем по ситуации.

Дамир взвалил на плечо Горана.

– Ты что, его потащишь? – удивился Зармис. – Так – точно не уйдёшь.

– Рискну. По-моему, он нужен им живой. Если нет... значит, нет. Воспользуюсь им как щитом. Готов? На счёт «три» – пали. И раз, и два, и три!

Дамир бросился под град, мечась из стороны в сторону, то падая, то вскакивая, роняя стонущего Горана на камни. В Дамира стреляли. И могли попасть раза два. Стволов было минимум шесть. Значит, не хотели попадать!

Вот она, долгожданная плита. Дамир швырнул под неё Горана, устроился рядом и прошептал:

– Ваши стараются. Какой ты, оказывается, ценный старик!

Горан снова закудаhtал, приводя Дамира в замешательство. Отсмеявшись, пленник сказал:

– Сейчас, вархан, я тебя сильно удивлю. Не знаю, зачем тебе это говорю... и все-таки. Это – не мои люди. Это – ваши люди. Они знали, что вы проедете тут со мной, и ждали. Пораскинь мозгами...

– Дами-и-ир! – заорал Зармис. – Прикрывай!

Дамир высунулся из убежища и открыл огонь. Бежавшие к паромобилю попадали, но снайперов, целившихся из оконных проемов, он сдерживать не мог. Зармис бросился вперед,

но тут же рухнул ничком, да так и остался лежать. Дамир стиснул зубы и принялся отстреливать отползающих врагов. Из-за града невозможно было рассмотреть их лица и сказать, кто это: варханы, терианцы или кто-то ещё.

– Теперь мы в одной упряжке, вархан, – усмехнулся Горан, взбесив Дамира. – Ты убьешь меня, потом тебя подстрелят...

– Заткнись! – буркнул Дамир, снова выглянул: противники брали его в кольцо, но близко подходить не спешили, рассчитывали, что скоро он израсходует заряд и не сможет отстреливаться.

Хлоп! Рядом с ухом о бетон чиркнула игла. Парализатор! Старик прав. Аккуратно, почти нежно Дамир положил руку на седой затылок, второй зафиксировал подбородок. Старик смотрел без ненависти, его глаза улыбались.

Хрустнули позвонки. Горан принял смерть как настоящий воин – с усмешкой на устах. Если бы все повстанцы были такими, берсергам пришлось бы несладко. Дамир схватил разрядник, пальнул для остротки, накинул капюшон и бросился туда, откуда они приехали, в сторону, противоположную переправе. Он последний в Наргелисе, а может, и во всей Териане, кто знал тайну Забвения!

– Не стрелять! Только парализатор! – донеслось вслед. – Приказано брать живым!

Ветер хлестал по лицу. Дамир метался от дома к дому, позади лаяли псы и кричали люди. Он был травимым зверем, одним против всех, и цель у него – выжить любой ценой, обогнать, опередить загонщиков.

В руку впиалась иголка, застряла в плотной ткани. Дамир прижался к стене дома, из окна которого стреляли. Похоже, здесь – последняя засада, но у врага обученные псы, это осложняет задачу: невозможно спрятаться и переждать. Будь здесь ещё пять-шесть варханов, они взяли бы пленника и выяснили, кто же слил информацию и кому. Об операции знали братья Дамира – Ильмар и Зармис. Но Зармис – здесь... Неужели предатель – Ильмар?!

Из оконного проема высунулся враг, Дамир выстрелил и разворотил ему голову. Бросился дальше. Повернул в проулок, огляделся и ринулся на восток, к переправе. Через два часа наступление карательного отряда... Отсидеться – не вариант. К тому же повстанцы тут каждый угол знают, а Дамир – чужак.

Иголка впиалась в капюшон возле самой щеки. Хорошо, что ветер и град сносят легкие иглы. Погода по-прежнему выручает. Стреляли спереди. Значит, там противник. Дамир схватил лист облещенной фанеры и побежал, держа её щитом перед собой. Враг больше себя не проявлял.

Похолодало, грязь начала застывать. Дамир продолжал бежать, ему было жарко. Попасть в плен – наивысший позор. Если игла парализатора достигнет цели, он обязан покончить с собой. В свист ветра влился монотонный механический звук, Дамир обернулся: то взбираясь на груды камней, то исчезая, катили низкие четырехколесные машины.

Пожри их Бездна! Как подготовились! Понимают, что править бал будет тот, в чьих руках Забвение. Поворот. Ещё поворот.

Круговорот проваленных крыш, выбитых окон, разъявленных пастей подъездов. Огромная площадь, мощенная брусчаткой. Безголовый памятник простирает руки к небу. Голова с отколотым носом валяется рядом. Она размером с Дамира.

Здесь дороги расчищены, уйти от погони будет сложнее. Из-за поворота показались горбатые спины псов. Прибавить шаг!

Как ни быстр вархан – псы быстрее. Они все ближе, уже слышно их потягивание. Выхватив мечи, Дамир развернулся и полоснул по животу прыгнувшего пса. Клацнув челюстями, зверь завизжал и, обезумев, завертелся и начал рвать вывалившиеся внутренности. Завоняло гнилью. Вторая тварь упала с перебитым позвоночником, третьей Дамир отсек голову. Лед окрасился алым.

Из-за поворота вырулили машины. Пока их было три, в каждой – водитель и два стрелка. Теперь Дамир сообразил, что это – местные бандиты, которых нанял кто-то из варханов.

На бегу отбиваясь от новых псов, Дамир прорывался к огромному зданию с колоннами и покосившимся шпилем. Он не хотел умирать. Даже берсеру нравится жизнь.

Очутившись в помещении, перегородил псам дорогу сорванной с петель дверью и помчался по отделанному мрамором коридору, выпрыгнул в окно и припустил по заваленной хламом улице. Псы тявкали вдалеке, но стоит им взять след, и они спустя минуту будут тут.

До переправы ещё далеко.

Псы лаяли всё ближе. Дамир повернул, уперся в тупик. Юркнул в первый попавшийся дом, выпрыгнул во дворик, поросший колючим кустарником, продрался вперед, нырнул во второй дом, выскочил в проулок.

Сердце зачастило, глаза заливал пот, к тому же все сильнее болела прокушенная одним из псов нога. Не время останавливаться!

Берсер заскочил в очередную хибару. С ноги текла кровь. Оставляя красный след, он бежал дальше. Снова неподалеку загудели моторы, залаяли псы.

Дамир споткнулся, упал. Ощупал рану, поднял окровавленную руку. «Если не наложить жгут, умру от кровопотери». В ботинке было горячо, хлюпало. Но стоит замешкаться – разорвут. Превозмогая слабость, он брел дальше, не глядя под ноги. И тут невнимательность сыграла с беглецом злую шутку: он провалился в дыру и едва успел ухватиться за сыпучий край. Подтянуться, ещё подтянуться...

Но пальцы не выдержали и разжались.

Даже во время падения, зная, что разобьется, Дамир не жалел, что рискнул. Но как обидно, что никто не сможет о нем рассказать...

Очнулся он от холода. Все тело ломило. Далеко вверху кружились три светлых пятна, вокруг было темно. Кое-как Дамир поднялся и побрел во мрак. Он ничего не соображал, знал только, что нужно выбраться.

Тошнило. Земля вырывалась из-под ног. Пару раз Дамир останавливался, и его выворачивало наизнанку. Правая нога жутко болела – пришлось отключить боль и больше нагружать левую, порванную псом. Под ногами хлюпала вода. Воняло сыростью и тленом. Нельзя умирать так бесславно в месте, где раньше текло дерьмо терианцев!

В глазах темнеет. Остановиться. Схватиться за скользкую стену. Нельзя ложиться. Тогда – смерть. Ещё несколько шагов! Путь казался Дамиру бесконечным, но наконец впереди он увидел ступени, пополз вверх, вывалился в подвал дома, поднялся, доковылял до дверного проема, вылез на улицу.

Ветер не стих, но прекратился град. Совсем близко рокотала река. Небо было буро-красным, исчерченным зеленоватыми, золотыми, розовыми вспышками. Двухэтажные здания то надвигались, грозя раздавить, то отскакивали. Далеко впереди – о чудо! – над крышами маячили сваи моста. Переправа! Неужели удалось добраться?

Каждый шаг давался с трудом, словно Дамир продирался сквозь болотную жижу. Когда закончились силы, встал на четвереньки и пополз. С каждой минутой мир делался все темнее. Когда сумрак окутал его полностью, Дамир собрал все силы и крикнул, надеясь, что охрана переправы не дремлет.

* * *

По скупому освещенному коридору двое тёмников толкали каталку, на ней лежал окровавленный вархан в рванье. Отворили дверь и очутились в светлом зале. Возле стены стояли три койки, похожие на саркофаги. Над койкой, у изголовья, располагался стальной колпак, от которого нити проводов тянулись к квадрату, усеянному кнопками и тумблерами.

– Как вы и просили, – обратился один из тёмников к сутулому седому вархану в белом, хозяину лаборатории. – Вот берсер, преданный нашему народу. Травмы с жизнью несовместимые, можете убедиться сами.

– Спасибо, все свободны, – проговорил старик, подождал, когда удалятся помощники, приподнял веко умирающего и добавил: – Достойные должны жить вечно. Правда, уже в другом теле. Как тебя зовут?

– Дамир, – шепнул берсер и устало закрыл глаза.

Словно из ниоткуда возник ассистент, разложил инструменты на стерильном столе, открыл пухлую тетрадь и написал: «Дамир бер’Грон», почесал карандашом в затылке и проставил дату, время. Поднялся. Шагнул к стеклянному шкафу, где хранились ячейки с носителями, похожими на длинные бирюзовые кристаллы. Вернулся к записям и добавил: «ячейка № 33».

Тем временем сутулый сбрил волосы впавшего в беспамятство вархана, поместил его голову под колпак, прилепил электроды к коже, отошел и защелкал тумблерами. Тело берсера выгнулось дугой, он широко распахнул глаза, моргнул и обмяк. По его голове, как зеленые змейки, блуждали молнии. Ассистент вложил в протянутую ладонь сутулого кристалл и отвернулся – никак не мог свыкнуться с мыслью, что сейчас сознание перепишут на носитель. Каково это – быть запертым там? Есть ли жизнь после смерти?

Когда все кончилось, ассистент отсоединил кристалл от клемм, поместил в ячейку № 33 и проговорил:

– Не повезло тебе, Дамир бер’Грон. А может, наоборот, повезло?

Глава 5

Тренировочный лагерь На Ангулеме

За Центавросом вставало солнце – багряные лучи высвечивали контур пирамиды, огромной, как гора или туча. Небо наливалось бледным светом. Пирамида далеко от учебного лагеря, на огороженном стеной холме, склоны которого застроены домами – островерхими, похожими на шатры из камня и бетонных блоков. Пока что большая часть зданий в тени, но скоро солнце окажется над верхушкой Центавроса, и они засверкают.

Это – прекрасное, величественное зрелище. Ксандр наблюдал его каждое утро на построении: учебный лагерь находился на склоне соседнего холма, и вид наполнял душу гордостью. Не за строителей Центавроса – за себя. Он, Ксандр, отныне – часть этого мира, часть могущественного клана бер’Тронов. И когда-нибудь он добьется права называться берсером и носить родовую фамилию.

Из шатров выбирались люди, проходящие обучение.

Было холодно, пар вырывался изо рта. Невысокая трава на окрестных холмах покрылась инеем и блестела в утреннем свете. Рощи в низинах еще не сбросили алую и желтую листву, а озеро у подножия городского холма, прямо под стеной, не покрылось льдом. Осень, зрелая, яркая. Дождей последние дни не было, а какая погода стояла до этого, Ксандр не помнил.

Воздух пах морозом. Одетый в куртку и брюки из прочной кожи, Ксандр немного мерз. Совсем немного. Хотелось пробежаться, сделать десятка три отжиманий, но время разминки еще не пришло.

Построение. Некоторые роптали, Ксандру же военная муштра пришлась по душе. Именно этого ему не хватало долгие годы, всю прошлую, серую и скучную жизнь, именно к этому он стремился. И здесь, на Ангулеме, Ксандр может продемонстрировать свои лучшие качества.

Конусы шатров полукругом обступили центральный плац. Построившись, люди ждали мастера Фрола. Одни – нервничая, другие – с трудом подавляя зевоту. Ксандр подался вперед.

Сегодня – важный день. Сегодня мастер решит, кто достоин продолжить обучение, а кому дорога в рабы, на промывку мозгов. Ксандр видел вокруг себя кандидатов и в воины, и в тупую службу. Но ни с кем не завязывал дружбы, даже имена предпочитал не запоминать.

Мастер появился не один, его сопровождали трое сержантов, званию соответствовала одна красная полоска на рукаве коричневого кожаного плаща. У мастера Фрола на рукаве две нашивки, он – капитан. Мастер в форме – куртка и брюки из кожи, высокие тупоносые сапоги. Как и большинство варханов, мастер Фрол черноволос и смугл, с тонкими чертами невыразительного лица. Совершенный контроль над собой! Ксандр прислушался к себе: он надеялся, что со временем научится прятать эмоции, но пока ни на секунду не позволял себе расслабиться.

Фрол остановился перед строем на фоне далекого Центавроса и медленно осмотрел новобранцев.

Ксандр подобрался. Мастер молчал, и люди занервничали – Ксандр слышал шорох одежды, скрип подошв, шумное дыхание. Он покосился влево: сосед выпучил глаза и уставился перед собой, приоткрыв рот.

– Ты! – Мастер Фрол указал на лупоглазого. – Шаг вперед.

Сосед повиновался. Ксандр следил за ним с вялым интересом: у лупоглазого имелись проблемы с обучением. Что-то пошло не так, и он оказался туп, хотя и исполнитель. Впрочем,

редкие проблески вдохновения случались, и тогда мало кто мог сравниться с лупоглазым в мастерстве и скорости реакции.

– Имя, – подсказал один из сержантов, коренастый, с испятым оспой лицом.

– Илья, – пробормотал лупоглазый тихим, невыразительным голосом. – Илья Смирнов.

У него даже не хватило ума назваться варханским именем! Ксандр еле сдержал улыбку. Не повезло тебе, Илья Смирнов, такие, как ты, не нужны мастеру Фролу бер’Грону.

– Покажи, на что ты способен, Смир, – приказал мастер.

Рябой сержант шагнул к лупоглазому. Ксандр задержал дыхание – он догадывался, что сейчас произойдет. Илья Смирнов, Смир, похоже, этого не представлял, он по-прежнему смотрел перед собой и на движение сержанта не отреагировал. Вархан ударил его – без замаха, коротко, ткнул в солнечное сплетение. Смир сложился пополам, хватая воздух ртом. Сержант ждал, когда он отдышится, – убивать неудачника не нужно, от него еще будет толк на подсобных работах.

Лица варханов не выражали ничего. Впрочем, лицо Смирнова – тоже.

Сержант занес руку для рубящего удара по шее, и в этот момент на Смира снизошло озарение. Он распрямился пружиной и кинулся на сержанта. Ксандр успел заметить, что лицо лупоглазого преобразилось: Смир сощурился, губы растянулись в хищном оскале. Сержант уклонился, двинулся по кругу, чтобы восходящее солнце оказалось у него за спиной и ослепило противника. Смирнов на уловку не поддался. Ксандр смотрел, как соперники делают ложные выпады, как скользят ноги по выглаженной, вытоптанной земле площадки.

Рябой был очень сильным бойцом. Своим новым зрением, обращаясь к новой памяти, Ксандр отчетливо видел это. Некоторые новобранцы жаловались, что так и не свыклись с приобретенными навыками, но Ксандр и прежде кое-что умел.

Впрочем, раньше он не выстоял бы против рябого сержанта и неизвестно, выстоит ли сейчас: иногда новые знания давали сбой. Для того и создан лагерь: слить воедино память и тело. Ксандр почувствовал не страх, нет – тень сомнения, – и это отвлекло его от боя, Ксандр пропустил момент, когда Смир закончил кружить и пошел в атаку.

Несомненно, герой, рефлекс которого жили в Смире, был великим берсером.

Совершенно особенный стиль боя: ударить, отскочить, ударить, поменять направление, закружить противника в смертельном танце. Движения резкие, экономные: так наскакивает волкодав... Но и сержант – не новичок. Казалось, он принял навязанную противником игру, сейчас он падет... В руке сержанта блеснул нож.

Вздых прокатился по ряду новобранцев, и Ксандр не остался равнодушным. Смир заметил оружие, но что-то в нем надломилось, и с каждым мгновением он все меньше походил на вархана, превращаясь в лупоглазого Илью Смирнова. Вот погасла улыбка. Вот он позволил сержанту запутать себя, повернулся лицом к солнцу и ослеп. Сержант ударил – в плечо, не в шею, хотя мог бы. Смирнов упал на колени с криком, недостойным воина.

Ксандр еле сдерживался, чтобы не отвернуться.

– Почему ты перестал сражаться? – спросил у Смирнова мастер Фрол.

Илья обернулся, зажимая распоротое плечо, пополз к мастеру на коленях.

– Мастер, я не виноват! – лепетал Смир. – Мастер, я забыл, как биться против ножа!

– Ты и не помнил, – поправил Фрол. – Помнил великий воин, чья память живет в тебе, Смир. Я видел, что он вернулся, узнал манеру боя. Но потом ты снова вытеснил его. Как это произошло? Что было у тебя в голове?

– Мастер! – Выпученные глаза Ильи наполнились слезами. – Я не могу этого объяснить! Он просто отступил! Я не специально!

Оправдания – путь слабаков, Ксандр знал это.

– Тот воин, чья память в тебе, заслуживал лучшего тела. – Мастер Фрол по-прежнему говорил без эмоций. – Встань. Отправляйся в шатер тёмников.

Ксандр смотрел на город: солнце поднялось уже достаточно высоко, и тень Центавроса укоротилась. Отсюда видно, что в городе кипит жизнь, улицы полны народом. Ксандр еще ни разу не был там, а память вархана не сохранила сведений о городе...

Илья Смирнов прошел мимо Ксандра, едва не задев его, – лупоглазый покачивался от потери крови. На вытоптанной до каменной твердости земле остались красные капли, а у ног мастера натекла целая лужица, – Илья долго стоял на коленях.

– Кто хочет продолжить?

Ксандр не мог больше ждать. Нетерпение и эмоциональность – его слабые стороны, но Ксандр работает не только над телом, он работает над своим разумом.

– Ксандр, – представился он, шагнув вперед.

Мастер, как почудилось Ксандру, едва заметно одобрительно улыбнулся.

– Приступай.

Рябой сержант не убрал нож, и Ксандр вытащил свой. Пусть будет бой.

У Ксандра не возникало проблем с памятью, истинной или чужой, – он не всегда различал. Когда Ксандр дрался, он переставал думать словами, оставались инстинкты и рефлексы: уклониться, присесть, выбросить вперед левую руку, отбивая удар, поднырнуть, пнуть под колено, чтобы противник упал, наступить на кисть, замахнуться...

– Довольно! – голос мастера Фрола вывел его из транса.

Ксандр тяжело дышал. Кровь стучала в ушах. Рябой сержант лежал на земле, смотрел на Ксандра снизу вверх. Поверженный противник был смертельно бледен – победив, Ксандр опозорил его. Сержант не думал, что найдет здесь достойного соперника, и, расслабившись после боя со Смиром, не успел собраться.

– Ты бился хорошо. В смерти нет нужды. Вернись в строй.

Ксандр коротко склонил голову в знак почтения. Он предпочитал не говорить: хоть понимал каждое слово, произношение давалось ему с трудом. На каком языке Ксандр думал, он не мог сообразить. Скорее всего, на лингвейке, языке варханов. Повернувшись к строю, Ксандр увидел лица новобранцев, почувствовал взгляды, обращенные к нему.

Зависть. Страх. Они пахли кислым потом неудачников, почти все. Лишь двое-трое из строя перенесли подсадку памяти так же легко, как Ксандр. Но только один, высокий, обритый налысо, с черной щеточкой усов и шрамом на левой щеке, мог сравниться с Ксандром в бою.

– Кто хочет быть следующим?

Усатый шагнул вперед, и внимание строя переключилось на него:

– Я. Меня зовут Вацлав.

Ксандр заметил, что Вацлаву мастер Фрол тоже одобрительно улыбнулся. Вацлав – вот его противник. «Конкурент», – вспомнил Ксандр наиболее подходящее слово. Вацлав будет драться и победит, а значит, за будущие успехи Ксандру придется соперничать с ним.

* * *

Испытание прошла половина новобранцев, человек пятьдесят. Мастер Фрол отправил их в лазарет – длинную двускатную палатку из какого-то коричневого материала. Внутри оказалось сумрачно, пахло лекарствами. От жаровен, расставленных через равные промежутки, исходило тепло. Больных Ксандр не заметил.

Хмурый пеон взял у него кровь из вены, игла вспорола кожу. Варханы – не рабы своего тела, а его хозяева. Ксандр терпел. Пеон не торопился, на лице его застыло скорбное выражение. С местом пеонов в мире варханов Ксандр никак не мог определиться: вроде как это слуги. И в то же время – слуги квалифицированные. В палатке посветлело – кто-то зашел, откинув полог. Ксандр не видел, кто именно, сидел спиной. Пеон напрягся, убрал иглу.

– Имя? – спросили из-за спины вкрадчиво.

Ксандр назвался. Пеон отступил в сторону, но Ксандр не спешил оборачиваться.

– Чью память ты носишь, Ксандр?

Он не знал имени погибшего героя, давшего Ксандру свои рефлексy. И честно сказал об этом. Незнакомец обогнул кресло и оказался в поле зрения Ксандра. Тёмник. Сухой старик в длинных черных одеждах, напоминающих рясу средневекового монаха.

– Ты чувствуешь его? Он говорит с тобой?

Ксандр понял, почему тёмник спрашивает: проверяет, нет ли конфликта между памятью берсера и памятью человека. Нет, покойный воин не говорил с ним – еще шизофрении не хватало, – просто Ксандр воспринял его навыки, его умения, знание языка и, отчасти, общественного устройства. А сами принципы жизни варханов были Ксандру настолько близки, что воспринимались как родные.

– Нет, тёмник, он не разговаривает со мной.

Тёмник поджал тонкие губы. Ксандр решил не обращать на это внимания: сейчас пеон закончит работу, и вархану Ксандру не останется никакого дела до тёмника. Особой религиозностью, похоже, не отличался не только Ксандр, но и великий воин, передавший ему свою память.

– Если ты что-то вспомнишь, – тёмник не спешил уходить, – какой-то эпизод жизни воина. Его имя. Что-нибудь. Расскажи мне. Или Эйзикилу. Это важно, тебя наградят.

Имя ничего не сказало Ксандру, но на всякий случай он кивнул. Пеон закрепил на груди Ксандра датчики. Тёмник постоял рядом еще какое-то время, наблюдая, и отступил в тень. Интересно, всем ли он задает такие странные вопросы?

Когда обследование закончилось, Ксандр, потирая истыканный сгиб руки, выбрался из палатки. Был яркий осенний день, на смену утреннему морозцу пришло ласковое тепло, иней на траве растаял, и склоны холмов блестели изумрудами. Между шатров и палаток лагеря сновали варханы, пеоны и рабы-манкураты, звякали снаряжение и посуда, в дальнем конце жужжал дизельный генератор.

Ксандр постоял немного, прикидывая, что теперь делать.

На вечернем построении всем прошедшим испытание, вероятно, объявят об их дальнейшей судьбе, но пока что Ксандра предоставили самому себе. Всё время в лагере он посвящал тренировкам, стараясь постичь новые возможности тела. И сегодня незачем делать исключение.

Ксандр поспешил к коническому шатру, внутри которого располагался склад. Мастер-оружейник, пожилой вислоусый вархан, встретил его хмуро, впрочем, мастер не улыбался никому. Под пристальным взглядом оружейника Ксандр двинулся вдоль стоек, на которых развешено было холодное оружие. Одни модели походили на земные, других Ксандр ни разу не видел до того, как попал в мир варханов: булавы, боевые молоты, мечи всевозможных форм, тесаки, топоры, бумеранги и метательные ножи... Ксандр минул эту стойку и перешел к следующей. Варханы пользовались обычными «пулевым» оружием и лучевыми ружьями – так называемыми разрядниками, испускающими направленный пучок микроволн.

Ксандр протянул руку и погладил разрядник – несмотря на свою громоздкость, он казался удобным. Смертоносным. Прекрасным.

Оружейник неслышно возник рядом.

– Возьми, Ксандр, – посоветовал он, – возьми и потренируйся. Ты сегодня хорошо прошел испытание.

– Да, – согласился Ксандр, – неплохо.

Он не знал, как держать себя с этим варханом. Память подсказывала – на равных.

– К разряднику нужно привыкнуть, – продолжал оружейник, – но пользоваться им просто... Ты помнишь что-нибудь об оружии твоей родины?

Что же за день такой – все интересуются его памятью? Оружейник, заметив замешательство собеседника, объяснил:

– Оружие Земли. Мы захватили образцы, и, думаю, тёмники разберутся с ними. Но я хотел бы узнать больше.

Ксандр не был специалистом и разбирался в оружии не больше любого взрослого мужчины. Он развел руки в стороны, извиняясь:

– Боюсь, не могу тебе помочь.

Оружейник окинул его презрительным взглядом. Ксандр почувствовал, как поднимается слепая ярость, всё закипает внутри: этот старик уже слаб.

В бою он не выстоит против Ксандра. Ксандр замахнулся. И замер. Контролировать гнев. Сдерживать злость. Пользоваться ими для своего блага.

Мастер заметил движение и ощерился. Некоторое время они стояли друг напротив друга, потом Ксандр повернулся и вышел вон.

На площадке у шатра стояло три чучела для отработки приемов, но Вацлав предпочел живое тело. Вооруженный саблей, он замер напротив раба-манкурата, существа безмозглого и исполнительного. В бою манкурат, пожалуй, не лучше чучела. Но кровь у него красная. Раб держал кривой меч и тарашился на Вацлава не отрываясь. Ни в позе, ни в лице его Ксандр не заметил страха.

Вацлав сделал выпад и рассек предплечье раба. Хлынула кровь. Раб выронил меч и с удивлением уставился на свою руку. Вацлав улыбнулся.

– Дерись! – приказал он манкурату. – Или умрешь!

– Немного чести – бить раба, – заметил Ксандр.

– Зато много веселья! – Вацлав, впрочем, оставил манкурата в покое. – Скучно. Не хочешь потренироваться, Ксандр?

Манкурат никуда не уходил – ждал приказа. Хотя Ксандр и шел сюда с целью потренироваться, вступать в бой с Вацлавом он не желал. Тот не контролировал ни ярость, ни гнев. И учебная схватка могла закончиться увечьем... И кто бы ни пострадал – накажут обоих.

– Не время, Вацлав. Мы еще успеем померяться силами.

– Да, – согласился он и бросил рабу: – Бери меч. Сражайся.

Манкурат взял оружие здоровой рукой, но биться не мог – не умел. Ксандр некоторое время стоял в стороне, наблюдая за тренировкой, потом отвернулся и побрел прочь. По посыпанной гравием дороге направился вниз с холма.

Ксандр ни разу не был в городе. Пожалуй, пришла пора прогуляться до Центавроса.

* * *

На Ксандра косились прохожие: он хотя и носил кожаную форму, отличался от варханов, сразу видно – другой расы. Темно-русые, а не черные с пепельным отливом волосы, светлая, а не смуглая кожа, прямой, без горбинки, нос, высокие скулы и не столь запавшие щеки. Раньше Ксандр носил «хвост», но перед операцией его обрили. Короткая стрижка Ксандру не шла, он это знал. Ничего, обрастет.

Дорога, огибая холм, вела к городу.

Ксандра обогнала, фырча и воняя дизелем, машина – этакая помесь мотоблока с телегой, вместо руля в руках водителя – изогнутый рычаг. Одно слово – тачанка. Город окружала высокая стена, ворота были открыты, и машина даже не притормозила. Ксандр задумался: не нужны ли документы? Вроде бы не нужны.

Никто не охранял вход, и стена казалась пережитком Средневековья.

Ксандр проник внутрь города и замер, пораженный. От ворот к Центаврису поднималась довольно широкая улица, по ней двигались в обе стороны повозки, напряженные скотом, и

тачанки. Много было и пешеходов. Улица походила на ущелье – дома из сверкающего известняка, казавшиеся невысокими с соседнего холма, обратились к дороге лишенными окон стенами. И стены эти возвышались метров на пятьдесят, а то и больше... Ксандр задрал голову: да, между домами были проходы, но с крыши на крышу вели мостики...

Зачарованный, Ксандр двинулся дальше, свернул на первую же улицу, пересекающую главную, – узкую и плавно загибающуюся. Видимо, холм, которому поколения варханов придали форму конуса, делился на сектора широкими вертикальными улицами и такими вот кольцевыми, поуже. Здесь дома были пониже, но тоже стояли «слепой» стеной наружу, а как попасть во дворы, Ксандр не понял. Он шел и шел... Наконец, в пятом или шестом строении, Ксандр заметил дверь, высокую, арочную, наглухо закрытую.

Он решил вернуться на центральную улицу и подняться к пирамиде.

Странно, в памяти вархана сохранились таверны, роскошные комнаты, тенистые внутренние дворы... Неужели все это надежно укрыто от постороннего взгляда? Что ж, резонно – ни один захватчик не возьмет этот город легко.

Ксандр шел вверх, и громада Центавроса приближалась. Она заслонила собой уже половину неба, и Ксандр едва поборол страх перед исполинским сооружением.

Что там, внутри? Он зашагал быстрее, движимый любопытством.

...Когда-то он стоял и смотрел на древний храм, громадный, монументальный. Зиккурат, кажется. Он был в легком доспехе, рядом замерли друзья, а впереди – они знали это – ждали враги...

Ксандр остановился и потряс головой. Этого не было в реальности. В *той* реальности. Ксандр вспомнил свои мечты, реализованные разработчиками игр. Интересно, у варханов есть компьютеры? Должны быть, но память не сохранила информации о них.

В движении повозок, тачанок и пешеходов появилась нервозность. Вроде как люди спешили: кто – к Центавросу, кто, наоборот, от него. Ксандра закружило, его толкали, пихали, несколько раз обругали. Он задумался, не вернуться ли в лагерь.

– Ксандр? – Перед опешившим Ксандром стоял капитан.

– Мастер Фрол, – Ксандр склонил голову в приветствии.

Фрол бер'Грон казался озабоченным. Он подошел ближе к Ксандру и проговорил:

– Идем за мной. Не знаю, что ты здесь делаешь, но держись рядом. Мы сворачиваем лагерь и переходим под защиту стен. Война на Земле проиграна.

Глава 6

Галебус

Гррум-гррум-гррум – чеканили шаг десятки варханов. Клерики, воины тёмников, одетые в черную форму с черепами, неслись по мостовой по четверо в ряду. Их временный командир Галебус пыхтел впереди, мысленно проклиная Эйзикила с его бредовыми идеями. Совсем старик из ума выжил: посылать его, личность, всем известную и уважаемую, на сомнительное задание! Старик не справляется со своей ролью. Пора бы его заменить кем-то более достойным. Например, им, Галебусом.

Подумаешь, нападение на лабораторию! Там ошивается отряд Гронов, вот пусть они и озаботятся. А он, Галебус, не спеша приехал бы потом с инспекцией. Или Эйзекил издевается? Похоже на то. Как назло, в самый ответственный момент! Когда нельзя выпускать из виду Дамира бер'Грона! Хитрый берсер в плотную подобрался к Забвению. Зря, что ли, Галебус столько за ним наблюдал? Компромат собирал...

Гррум-гррум... Поворот. Двухметровый каменный забор лаборатории. У развороченных ворот – двое в камуфляже, лица прикрыты платками. При виде отряда привратник с двумя красными нашивками на рукаве опустил повязку на шею. Галебус вздохнул с облегчением: бер'Грон. Видимо, их отряд, посланный на зачистку, опередил клериков.

– Что... случилось? – пророкотал Галебус, выступая вперед; подчиненным он велел стоять на месте.

– Пройдем, – бер'Грон устремился во двор.

Галебус заметил два тела в черных рясах. Одному тёмнику разворотили живот из рядника, второго переехали машиной – на одежде отпечатались следы шин.

– С разгону вынесли ворота, – прокомментировал бер'Грон. – Вломились во двор. Здание взяли штурмом. Всех перебили и не оставили следов.

– Вообще никаких? – густой командирский бас на берсера не подействовал.

– Никаких. Хочешь, сам убедишься.

Входную дверь тоже разворотили. Пролезая в дыру, Галебус ощущал оплавленный металл, и сердце его ёкнуло. Великоваты мощности для повстанцев.

В помещении он первым делом отыскал кусок ткани, вытер испачканные сапоги. В коридоре у стены штабелями сложили трупы тёмников – тел пятнадцать, не меньше. Галебус переступил через обвалившуюся штукатурку. В носу щекотало от пыли, запахов жженой резины и горелого мяса. Навстречу попался бер'Гроновский капитан, кивнул и пошел себе дальше.

Первая лаборатория почти не пострадала, она была битком набита бер'Гронами, те монотонно гудели, обсуждая происшествие. Расталкивая берсеров, Галебус двинулся дальше.

А вот во второй лаборатории будто порезвилась стая магулов. Стекланный шкаф разбили, электронику раскурочили. Поверх стекла распростерся тёмник в белом халате со скорчем в руке. Похоже, череп проломлен. Прислонившись к стене, сидит его мертвый помощник, застреленный из скорча. А в углу, на топчане, сжимая виски, замер бер'Гроновский капитан, тонкий и длинный, как подросток.

Галебус кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание. Представился, когда вархан посмотрел на него. Продолговатые и узкие глаза, заостренные уши, тонкий нос... Ильмар бер'Грон, брат Дамира. От скверного предчувствия Галебусу сделалось дурно, задышавшись, он растянул шарф-удавку и случайно бросил взгляд на окровавленную грудку тряпья, лежащую на каталке. Шагнул, ещё шагнул и оторопел: голову вархана обрили, его лицо покрывали ссадины, но в нем без труда узнавался Дамир бер'Грон.

Галебус закусил губу, чтобы не завопить. Как смел Дамир помереть в такой ответственный момент?! Как же Забвение? Столько трудов насмарку!!! Стараясь не терять самообладания

ния, Галебус извлек из-под осколков журнал отчетности, дрожащими пальцами принялся перелистывать пронумерованные страницы.

– Что тут произошло? – как можно равнодушнее спросил он.

– Похитили трансплантатор, – ответил Ильмар и отчитался об убитых.

Палец Галебуса остановился на последней записи: Дамир бер’Трон, ячейка № 33. Значит, его сознание успели переписать на носитель!

А что, если налет организовали, только чтобы заполучить память Дамира?

Не слушая Ильмара, Галебус метнулся к разбитому шкафу с ячейками. Носители в беспорядке валялись на полу, три штуки были раздавлены. Галебус принялся перебирать уцелевшие.

Хромой Ильмар, вытаращив глаза, наблюдал за ползающим по битому стеклу тёмником. Целых носителей Галебус нашел сорок два, десять хранились в ящике стола – наверняка пустые. Снял куртку и аккуратно разложил кристаллы, объясняя Ильмару:

– Это очень важно для науки!

Может, не все ещё потеряно? Следует передать носители на Ангулем и проследить за подопытными, которым подсадят сознания погибших. Вероятность того, что Дамир осознает себя и вспомнит все, минимальна. Но она есть!

Журнал Галебус скрутил трубочкой и спрятал во внутренний карман куртки. Если добыть Забвение, то Эйзикила и всех, кто не ценил Галебуса, подвинуть будет просто.

Глава 7

Война проиграна

Внизу, на улице, сгустилась тень, но известняковые стены домов сверкали в лучах солнца. Ксандр последовал за мастером Фролом. В голове царила неразбериха: как это – проиграна война на Земле?!⁹

Варханы не могли уступить бывшим сородичам Ксандра: неорганизованным и подверженным страстям. Им помогли знания, знания и технологии: Земля – самый древний мир, время там течет быстрее, и люди лучше вооружены.

Фрол бер’Грон шел впереди, прямой, в кожаной форме, на полголовы ниже Ксандра, но, несмотря на низкорослость, величественный. Ксандр заметил, что напряжение на улицах нарастает: пешеходов стало больше, варханы куда-то спешили, переглядываясь; к воротам, разгоняя идущих, протарахтели тачанки.

Мастер свернул в переулок, еще раз свернул, остановился у одной из редких дверей – двустворчатой арки в два человеческих роста. Ксандр почтительно замер рядом.

Фрол постучал. На Ксандра он не смотрел, объяснений никаких не давал.

Открыл манкурат в черных брюках и рубаше. Поклонился в пояс:

– Хозяин...

Ксандр с интересом рассматривал раба: молодой, здоровый, обритый налысо, брови рыжие, мясистый нос – багрового цвета. Не вархан, но вряд ли землянин, что-то было в его раскосых глазах от иной, не известной Ксандру, расы.

Мастер Фрол пнул манкурата, убирая с дороги. Раб поспешно ретировался в глубь дома.

Следуя за Фролом, Ксандр оказался в длинном темном коридоре, видимо пронизывающем дом насквозь. Мебель тонула во мраке, только далеко впереди сияло пятно света. Фрол шагнул к нему, Ксандр – рядом, стараясь ничего не задеть. Всплыло воспоминание из прошлой жизни: он бежит таким же коридором, темным и прямым, но захлапанным, натывается на всякую чушь вроде старых велосипедов и санок... Когда это было? Не важно. Человека, в панике пробирающегося между чужой рухляди, уже не существовало. И к лучшему.

Пятно света приблизилось и оказалось выходом во внутренний двор.

Как и предполагал Ксандр, двор был достаточно велик, со всех сторон окружен стенами соседних домов. Окна смотрели на выстланную белой плиткой землю и звенящий фонтан. Сюда вело множество дверей. Под открытым небом толпились варханы. Ксандр впервые увидел местных женщин – красивых по-своему, черноволосых и смуглокожих. Женщины, одетые в брюки и куртки, склонились перед мастером Фролом. Одна, постарше, засеменила вперед:

– Муж мой!

Мастер Фрол остановился и посмотрел на нее, будто только заметил:

– Возьми слуг. Собери всю еду в кладовках. Пополни запас воды. Вооружи верных. Ленивых и малодушных прикажи повесить. Сыновей отправь в Центаврос – на стенах нужен каждый человек. Дочери... Кто хочет – пусть идет с мужчинами. Слабых запри дома.

– Но, муж мой, кто может угрожать бер’Гронам? – женщина побледнела, миндалевидные карие глаза ее сверкнули.

Ксандр, затаив дыхание, ждал ответа мастера Фрола. Земляне?

– Все и каждый, – ответил мастер. – Война на Земле проиграна, Бурзбарос не укусил себя за хвост. В этом винят мастера-командера Максара бер’Грона.

⁹ Атака варханов на Землю описана в дилогии Андрея Левицкого «Москва-2016» и «Буря миров».

Женщина дернулась, на скулах ее проступили ярко-красные пятна. Она снова склонилась перед Фролом. Мастер обратился к спутнику:

– Иди за мной, Ксандр. Нам нужно перевезти под защиту стен людей из лагеря.

Польщенный, Ксандр вновь последовал за Фролом бер'Гроном: через внутренний двор в другую дверь, в гараж. Здесь стояли повозки и тачанки, горела тусклая лампа под потолком. К удивлению Ксандра, у машин ждали не только пеоны и варханы, но и тёмник в свободных черных одеждах, старый, седовласый, похожий на стервятника.

– Эйзекил! – голос бер'Грона прозвучал угрожающе.

– Фрол бер'Грон, – проскрипел тёмник, – давно не видел тебя. Твой брат, Максар, погиб... Операция провалена.

– Ты рассказываешь всем известные вещи, – грубо оборвал его Фрол, направляясь к тачанке. – У меня нет времени их слушать.

Эйзикил заметил Ксандра, приблизился, всмотрелся в лицо. Ксандр с трудом выдержал взгляд: казалось, тёмник видит всё сокровенное, вообще всё видит. Палец старца украшало кольцо с янтарным камнем.

– Ты прошел испытание? Да, эксперимент удачен, – тёмник покачал головой, – несомненно, удачен, если тело носителя соответствует матрице... Что ты помнишь о прошлой жизни?

– Меня зовут Ксандр, – Фрол не жаловал старика, и Ксандр решил не быть особо вежливым. – Зачем тебе мои воспоминания?

– Отстань от него, тёмник, – вмешался Фрол, – и убирайся отсюда. Не один я подозреваю, что Максар погиб по твоей вине.

Ксандр когда-то знал это имя – Максар. «Максар бер'Грон», – подсказала память, не его собственная, варханская. Родич Фрола, один из главных претендентов на звание бер'Хана. Сильный, беспощадный, ловкий. Ниточка памяти разматывалась дальше, и откуда-то всплыло имя «Дамир». Кто это, Ксандр не понял, но почему-то вздрогнул.

– Убираться? Я пришел предложить тебе выход, Фрол бер'Грон. Ты можешь убедить своих родичей не прятаться за стенами, но вступить в бой, – Эйзикил сделал паузу, полюбовался на мрачающее лицо Фрола, – на Териане. Там было восстание, терианцы и пеоны-мятежники виноваты в случившемся на Земле. Теперь цель дальше, чем была, для завершения Великого Кольца мы должны снова подчинить себе Териану. Все силы Орды будут брошены на это, Фрол. Если бер'Гроны откажутся...

– Откуда у тебя эти новости, старик?

– Из Ставки.

Ксандр перестал их понимать. Проклянувшаяся память мешала ему, натирала, как новые туфли. Понятия накладывались одно на другое, и в голове царил сутолока. Ставка, Териана...

– Кольцо разорвано, – веско добавил Эйзикил после недолгого молчания, – и нам важно сплотиться.

Гин отвернулся к тачанке. Похоже, его задело слова тёмника про Великое Кольцо, которое стремились замкнуть варханы, для чего необходимо было подчинить все пять миров.

– Собери своих бойцов, – скрипел Эйзикил. – Не всех. Новых и честолюбивых, как этот Ксандр, старых и проверенных. И отправь их в Ставку.

Можешь и сам поехать с ними, Фрол, предстать перед собранием. Ты же – берсер. Ты ничего не боишься.

Старик, не прощаясь, прошествовал к двери. Фрол бер'Грон не остановил его. В раздумье мастер стоял у машины, поглаживая собранный из досок кузов. Ксандр не решался его потревожить. Слова старика зародили в Ксandre предчувствие перемен, он уже хотел и в Ставку, и на Териану. Подавление бунта – шанс показать себя и стать берсером.

– Мы едем в лагерь, – наконец объявил Фрол.

* * *

Солнце теперь освещало город с другой стороны, закатные лучи испятали пирамиду Центавра красным. От лагеря не осталось почти ничего: костры потушены, генераторы заглушены, шатры валяются на земле горами брезента.

Ксандр с Вацлавом, расположившись на склоне холма, укладывали оружие в ящики, рядом манкураты скатывали шатер. Разрядники нужно было оборачивать мягкой ветошью, и доверить такое занятие рабам оружейник не рискнул.

Все в лагере были заняты: от манкурата до мастера Фрола. Ксандр знал о причинах спешки, но другим ничего не объяснили. Это поднимало Ксандра над толпой.

Вацлав обернул очередной ствол ветошью, аккуратно опустил в ящик и мечтательно произнес:

– Я всегда этого хотел. Война. Бой. Я должен был родиться варханом. А ты, Ксандр? О чем мечтал?

– Неважно, – безмятежно отозвался Ксандр, – того меня уже не существует.

Сказал правду: Ксандр помнил прошлую жизнь, как помнят скучную книгу или плохой фильм – с каждым днем все слабее. Старые впечатления, одинаково серые и блеклые, отступали под натиском новых. Наверное, Вацлав испытывает то же самое. Но зачем об этом говорить?

– Бред. – Вацлав даже отложил работу. – Без прошлого нет будущего. Манкураты не помнят прошлого. Мы – должны.

Ксандр с сомнением посмотрел на Вацлава. Не отращивает волосы, скоблит череп каждое утро, а усы подстригает лишь иногда. Сейчас бритоголовый без куртки, рукава рубахи закатаны, и видна татуировка – солнцеворот. Это было Ксандру неприятно, но почему он не задумывался. Вацлав – противник. Вацлав – конкурент. Разумнее всего сейчас завязать с ним дружбу, чтобы потом уничтожить.

Пододошедший вислоусый оружейник прервал их разговор, проверил уже упакованные ящики. Оружейнику не нравился внезапный переезд, старый вархан что-то подозревал, но точных причин не знал и потому был въедлив.

Когда инспекция закончилась, а все имущество погрузили на тачанки и повозки, уже стемнело.

В безлунном небе мерцали яркие осенние звезды, ударил легкий морозец. Закутанный в плащ Ксандр следил за погрузкой оружия вместе с Вацлавом. В одном из манкуратов он узнал Смирнова. Не прошедший испытания был жалок, вид имел виноватый.

– Смирнов! – окликнул его Ксандр. – Смир!

Манкурат, естественно, не отозвался, вообще не среагировал. Мелькнула мысль: «Это не человек, а моб¹⁰».

– Чего ты с ним? – удивился Вацлав. – Забудь. Его нет. Он тебе не нужен.

Ксандр неожиданно разозлился: та его часть, что не была варханом, считала любого человека достойным если не внимания, то хотя бы имени. Вацлав, похоже, всегда думал иначе.

В темноте, подсвеченной факелами и ручными фонарями, перекликались водители и погонщики, мычали рогачи, похожие на огромных коров, скрипели тачанки и телеги, раздавались резкие приказы берсергов.

Ксандр с Вацлавом сопровождали груз: устроились в кузове телеги на узких скамьях, позади возницы. Двинулись. Трясло немилосердно, приходилось хвататься за борта, чтобы не упасть. Ящики с оружием подпрыгивали, и Ксандр понял, зачем разрядники перекладывали

¹⁰ Моб, NPC, непись – персонаж, за которого играет компьютер.

ветошью. Тачанка ползла в караване по неосвещенной дороге, и город казался продолжением звездного неба – вдалеке холодным зеленоватым светом горели окна.

Несмотря на тряску, Ксандр задремал.

Он сидел за компьютером и не видел окружающего. На экране, ставшем трехмерным, шла битва: шесть на шесть, полные пати, с танком, луком, хилом, чантом, сорком и голодом в каждой пачке¹¹. Противник уже сагрил мобов, их голод убежал, уводя за собой «хвост», хил не справлялся, вот-вот должны были или отступить (догнали бы) или лечь... Внезапно Ксандр провалился в экран.

Данж¹² оказался техногенным подземельем. Вдаль уходила штольня, потолок удерживали деревянные распорки. Через каждые три-четыре шага с балок свисали тусклые лампы. Где-то падала вода, и больше не было слышно ни звука – только звон капель и дыхание Ксандра.

Неровная кладка стен блестит от влаги, пол усеян мелкими камешками. Тяжело пахнет мокрой землей и камнем, своды давят, грозя смять. Впереди – развилка. Направо или налево? Ксандр осмотрелся в поисках соратников. Он не мог оказаться здесь в одиночестве.

Он был один.

Какой-то шорох. Крысоеды? Люди? Ксандр прижался спиной к стене и поднял разрядник, готовясь принять последний бой.

Он упал на пол тачанки и больно приложился головой об угол ящика. Не вскрикнул, сдержался, даже обрадовался резкой боли, дизельной вони, холодному воздуху, уж слишком страшным оказался сон о последнем бое. Даже не то... Ксандр вскарабкался обратно на скамейку. Вацлав смотрел с насмешкой, но Ксандру не было до этого дела: он ловил воспоминание за склизкий хвост.

Нет, не сама ситуация его испугала. А то, что Ксандр уступил место чужаку, что мертвый вархан, чья память жила в Ксандре, подвинул его властной рукой.

¹¹ Перечисляются основные типы персонажей «по профессии». Пати (пачка) – партия.

¹² Данж – подземелье, особая зона игрового пространства.

Глава 8

Тайное и явное

Хлопнула дверь в конце коридора – Галебус дернулся, схватился за кобуру револьвера, приложенную прямо поверх плотной зимней рясы. Он сделался нервным после того, как варханы проиграли битву за Землю, портал разладился и связь с мирами прервалась. Пока Эйзикил руководил операцией на Земле, Галебус правил здесь и втайне надеялся, что ему удастся укорениться на Териане, а там, глядишь, и вернуться на Ангулем. Уже не мальчиком на побегушках, а достойнейшим из достойных. И расквитаться со всеми, кто отправил его в эту ссылку.

В пустом коридоре заматались шаги. Неужели ведут Бурого? Прислушался – нет. Один человек. Шаги легкие, дыхание визитера сбилось – он спешит.

– Что случилось? – бросил Галебус в приоткрытую дверь, его зычный бас поглотил шаги и дыхание незваного гостя.

В коридоре запыхтели активнее, и вот в сумеречный подвал ступил, снимая меховую шапку, Наяр – самый преданный и ответственный из молодых. Тонкий нос покраснел от холода, на пушке, что над верхней губой, и на виске прямо возле вытатуированного двузубца – капли пота. Подол бурой рясы забрызган грязью.

– Мастер Галебус, – проговорил Наяр, стараясь восстановить дыхание и принять важный вид, – вас срочно требует... вызывает к себе мастер Эйзикил.

Галебус изогнул тонкую смоляную бровь. Дружок, что за тон? Ошибка, ошибка. Не так нужно обращаться к нему, Галебусу.

– Зачем?

– Мне это неведомо.

Наяр сглотнул и вытянулся по струнке, хотя на лице читалось желание скукожиться и убраться восвояси. Галебус проговорил полусшепотом, чтобы не пугать юного помощника своей громогласностью:

– Конечно, Наяр, тебе этого знать не положено. Ты слишком молод, чтобы это знать. Ступай.

– Срочно! – повторил юный тёмник, вздев палец, развернулся и зашагал прочь.

Галебус понял, что последнего выпада не простит. Мыть парню отхожие места, чистить овощи и смирать тело весь следующий год. Зарвался. Главным себя вообразил.

Хлопнула дверь за ничего не заподозрившим послушником. Галебус вздохнул с облегчением: не хватало ещё, чтобы здесь видели Бурого. Вот так всегда. За неделю хоть бы раз старик вспомнил, а в самый неподходящий момент – срочно вызывает. Неужели Эйзикил что-то пронюхал? Дряхл телом, но умом крепок. Даже если пронюхал, никому ничего не докажет, потому что последнее звено, связывающее покойных Дамира, Зармиса и Ильмара бер'Гронов с тёмниками, – это Бурый. Бурый должен вспомнить, кто заказал ему убить Дамира с Зармисом, уничтожить их груз... А может быть, и почему на следующий день погиб младший брат, Ильмар. Даже погребальный костер один на троих сложили. Впрочем, скорее всего, заказчик работал через посредника и Бурый окажется бесполезным.

Как бы оно ни было, ещё немного, и все встанет на места.

И откроет тайну Галебус. А если Дамир с Зармисом нашли Забвение и Галебус пройдет по их следам, он вернется на Ангулем, облеченный заслуженной властью.

Галебус притворил деревянную дверь, щелкнул выключателем – узкий коридор озарился тусклым красноватым светом – и зашагал к выходу, мысленно строя предположения. Он почти уверился, что убийство Дамира организовали бер'Махи. Вот интересно, это личные счета, Дамир со своими наглыми братцами Махам костью поперек горла встали, или Махи разузнали,

что Дамир раздобыл сведения о Забвении? Если последнее – плохо. Значит, имеет место утечка информации и никому нельзя доверять. Взять хотя бы нападение на лабораторию. Повстанцам она ни к чему, да и мощностей бы не хватило.

Впрочем, Галебус и так никому не доверял. Его скорбный опыт показывал: даже под пытками люди умудряются врать – неумело и неумно, но такова природа человеческая.

А вот если Эйзикил все знает, конец планам.

На улице уже несколько месяцев с неба сыпал то снег, то лед. Более унылого места, чем Териана, Галебус не видел. Накинув капюшон, он зашагал через Радужную площадь, которая сейчас радужной ну никак не выглядела, к трехъярусной пирамиде Центавроса, возвышающейся над двух- и трехэтажными домами-башенками Наргелиса. Было в ней величие, умиротворение и покой. Изнутри же Центаврос напоминал огромный муравейник, кипящий жизнью. Носились по своим делам тёмники, лелеяли планы Гроны и Махи. Ждали своего часа на взлетном поле за Центавросом гранчи. Прикажут – и они птицами взмоют в небо.

Преодолеть вымороженную площадь, кивнуть беспристрастным охранникам-крюкерам, знающим Галебуса в лицо и не задающим вопросов. На фоне серой стены Центавроса крюкеры смотрелись черными сайдонскими идолами со сплюсненными с боков и вытянутыми вперед клювами. На самом деле это всего лишь шлемы.

Крюкеры дернули пиками – закачалась оледенелая бахрома, свисающая из-под наплечников. Галебус шагнул в святая святых, где в янтаре света застыли охранники. Дабы царило равновесие, Центаврос охраняли воины, набранные из кланов Махов и Гронов. Но и крюкеров, славящихся беспристрастностью и верностью нанимателю, традиционно использовали для этого. И еще, незаметные, но опасные, присутствовали в Центавросе клерики, бойцы тёмников.

В просторном зале, украшенном резными светильниками, под пристальными взглядами охранников, недвижимых, как мертвецы, Галебус чувствовал себя даже не голым – без кожи. Вот Гроны в серебристо-черном, со стоячими воротниками, все как один – стройные, с раскосыми глазами на хищных лицах. Махи, облачение которых отликает багрянцем, в противоположность Гронам крупные, даже рыхлые. Крупнолицые, с возрастом их щеки обычно отвисают, как песьи брылы. Однако не стоит обманываться кажущимся простодушием бер'Махов, они – превосходные воины и виртуозные интриганы.

Раньше тут вдоль стен стояли целые отряды, сейчас их мобилизовали для борьбы с повстанцами. Хотя после бойни с артиллерией и гранчами в Наргелисе тихо, повстанцев не видно, но порядок есть порядок.

Сначала Галебус решил внизу не задерживаться, но в сотый раз остановился, придавленный величием Центавроса. В центре зала высились три колонны, соединенные арками, а на алтаре сиял Сиб, переливался, пульсировал, как огромное сердце. Завораживал, манил. Галебус заставил себя отвести взор и по широкой мраморной лестнице подняться на второй ярус.

Вдаль убегал длинный коридор, отделанный терианским мрамором. На потолке через каждые восемь шагов красовался Мировой Змей Бурзбарос. И – ряд одинаковых деревянных дверей, покрытых лаком.

Галебус вышел на открытую галерею. Отсюда, со второго яруса, открывался вид на город, укутанный сероватым пледом непогоды. Домишки терианцев маячили внизу сплошной темной массой, тучи, беременные градом, были ближе земли. Протяни руку – коснёшься пухлого бока.

Вот она, дверь в «зал», – деревянная, с чеканными узорами по углам, а в середине – выкованный из железа и покрытый черным лаком пожиратель миров змей Бурзбарос, кусающий себя за хвост. Галебус постучал молоточком и, не дожидаясь приглашения Эйзикила, вошел. Скрипнули петли, и Галебуса обдало влажным теплом, пахнущим пылью.

Эйзикил стоял спиной и обзирал окрестности в сводчатое окно. Пошелкивал четками. Вдоль стены «зала» громоздились разномастные шкафы, на полках валялись книги, в углу притулился древний стол, укрытый алой бахромчатой скатертью. На ней Галебус рассмотрел

пятна и хлебные крошки. Вдоль противоположной стены рядом выстроились кресла, стулья и табуреты.

– Мастер, вы звали, вот, я прибыл.

От голоса Галебуса, казалось, качнулись темно-зеленые шторы и слетела пыль со старинных книг. Он был слишком могуч, слишком молод для места, где с каждого предмета скорбно глядела дряхлость.

Медленно-медленно повернулся Эйзикил. Когда провалился захват Земли, старый тёмник осунулся, похудел и побледнел. В последнее время он взял моду не снимать капюшон – лицо Эйзикла скрывала тень, были видны лишь тонкие губы, испещренные сетью морщин.

– Галебус, ты воистину пунктуален, – прошелестел Эйзикил. – Давай присядем, нам предстоит долгий разговор.

Вслед за стариком Галебус опустился в допотопное кресло со следами бывшего величия в виде позолоты на подлокотниках и приготовился внимать. Эйзикил откинулся на спинку, принял непринужденную позу и уставился на Галебуса. Щелк-щелк-щелк – ударялись друг о друга бусины четок, перебираемые тонкими пальцами, похожими на птичьи когти. Галебус подпер голову рукой.

– Разговор пойдет о нашей лаборатории, захваченной повстанцами, – мягко, даже ласково заговорил Эйзикил и снова замолчал, вызывая Галебуса на диалог, но, не дождавшись реакции, уточнил: – Пришло время поведать тебе нечто важное. Почему, спросишь ты, и я отвечу. Я долго наблюдал за тёмниками и решил, что ты – достойнейший, ты распорядишься знаниями с умом.

Эйзикил привычно взял паузу, потянулся к стакану с водой, отхлебнул. Гость, чуя недоброе, глядел на янтарный перстень с шестерней и заключенной в ней человеческой фигурой. «Вот оно, – думал Галебус с горечью. – Как не вовремя! Дергайся, не дергайся, все, ты – букашка под колпаком. Остается ждать и принять правду достойно».

– Ты, наверное, слышал легенду о древнем оружии, способном стирать целые континенты и уничтожать миры.

– Конечно, – пророкотал Галебус с невозмутимым видом и пристально посмотрел в черноту, туда, где влажно блестели глаза Эйзикила. – Её знает каждый мальчишка.

– Мне стало ведомо, что Дамир бер’Грон получил сведения о местонахождении этого оружия. Да-да, Галебус, Забвение существует, оно воссоздано пеоном Омнием по чертежам Предтеч. Дамир знал и это. Ему удалось провести нас и отправиться за сведениями без нашего присмотра... Впрочем, Дамир погиб, погибли и его братья – Зармис и Ильмар. Страшная, страшная потеря для клана бер’Гронов: молодые, сильные, перспективные берсеры... А для остальных – урок: к тайне Забвения нельзя прикасаться в одиночку, без помощи Гильдии.

Галебусу захотелось рассмеяться от бессилия. Все время, пока он следил за Дамиром, Эйзикил не спускал с Галебуса глаз. И теперь намекает: не лезь! Но сделал вид, будто открывает предателю великую тайну. Таким образом, старик обретает союзника, Галебус уже никуда не денется и будет делиться сведениями. Что ж, подыграем. Все равно выбора нет. Эйзикил умён.

– Сельмур тебе все расскажет, – безмятежно продолжал Эйзикил. – Ты сможешь распорядиться знаниями достойно. Тот, у кого в руках Забвение, будет править миром. Если ты хорошо себя проявишь, Гильдия замолвит за тебя слово. Ты ведь хочешь вернуться на Ангулем?

Пальцы Эйзикила зажали бусину, тонкие губы растянулись в подобии улыбки. Сейчас высунется раздвоенный язык ящера. Галебус понял, что помимо воли сжимает подлокотники, и заставил себя расслабиться. Стоит ли утверждать, что партия проиграна? Скорее нет, чем да. Он заполучил мощного союзника, велика вероятность, что совместными усилиями они справятся. А потом... Эйзикил уже очень стар. Галебус еще силен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.